

Александр БАЛТИН

ВАСИЛЁК И ВОДЯНОЙ

Путешествия в стране чудес

С к а з к а д л я д е т е й и в з р о с л ы х

Путешествие 1-е

Не каждый мальчишка может похвастаться знакомством с домашним Водяным. Василёк — может. Он, собственно, не Василёк, а Василий, но больно не нравилось это имя и ему, и его маме. Но отец настоял — он вообще всегда настаивал на своём. Строго, как врач, говорил он некогда маме, а она (спустя сколько-то лет) рассказала об этом Василию, который уже был Васильком:

— Василий — значит царственный. Время сейчас жёсткое, недоброе, так пусть это имя поможет ему быть успешным.

И они — Василий и его мама — договорились, что для отца он будет Василием, а для себя самого и мамы — Васильком.

Но всё это теперь не столь интересно Васильку. Интересен ему — Водяной. Его знакомый домашний — весёлый и лукавый — Водяной, живущий в кранах, в размёте душевых струй, в наполняющей ванну воде, живущий в тысяче различных капель и чудесных струек и, разумеется, невидимый для других.

Дело было так — однажды, вернувшись из школы, где особенно ни с кем не дружилось, пообедав и сделав уроки, Василёк — в полном одиночестве — сидел и мечтал: вот бы такого друга, которого ни у кого не было! Такого, чтобы другие его и видеть не могли, и с которым весело б было, и секреты бы ему доверить любые...

Одиночество — сколь бы полным оно ни было — всегда имеет своего гномика — собственно, вокруг него оно и существует; гномик, конечно, незрим, но слышит и видит человека, пребывающего в его силовом поле, и иногда помогает ему. Но только если человек такой, что ему стоит помогать.

И вот именно такой гномик подсказал Васильку пойти на кухню, поставить чайник, хотя мальчишке и не особенно хотелось чаю. Но гномик обладает чудесной властью — и человек подчиняется ей, даже не зная, зачем ему это нужно.

Итак, Василёк пошёл на кухню, и уже было взял красный, бокастый чайник за чёрную, гнутую ручку, когда заметил у крана — у гнутой шеи его, именуемой забавно — гусёк, — некое шевеленье. Мальчик не поверил сперва — он точно знал, что в квартире один, а никаких маленьких животных, какие бы могли убежать и устроиться у крана, у него не было; но пригляделся — и увидел человечка, сидевшего возле крана с красной крышечкой. Человечек был прозрачно синим, и невозможно было сказать — одет ли он или маленькое тельце издаёт нежное, синеватое сиянье; он сидел — как уже было сказано — возле крана и болтал ножками — не то обутыми в некое подобие туфель-ласт, не то тоже светившимися синевато.

— Удивлён? — спросил человечек, глянув на Васильку, причём глаза его вспыхнули лукавыми искорками.

— Ага, — ответил Василёк, забыв про чайник, который он, кстати сказать, даже и не поднял со столешницы.

— Ещё б, — сказал человечек довольно. — Не каждый может увидеть настоящего домашнего Водяного.

— А ты Водяной? — с замиранием сердца спросил Василёк, ещё до конца не веря, что это реальность.

— А то! — бодренько отозвался человечек.

Василёк протянул — робко и неуверенно — палец: уж очень хотелось коснуться человечка, но тот, подняв ручку, помахал ею в воздухе.

— Погоди, — молвил он. — Сейчас я спущусь, сделаюсь побольше, и тогда мы сможем познакомиться, как следует.

— А мне что делать? — не очень к месту спросил Василёк.

— Ничего, — ответил Водяной. — Отойди чуть от раковины.

Василёк отошёл, не сводя глаз с человечка, а тот — ловко, как по зимней снежной горке, съехал по белому боку раковину, причём лёгкий след — чем-то напоминавший след улитки — секунду померцал и пропал, и возле самого стока, куда вечно забивается мелкая чепуха, человечек завернулся прозрачным винтом, вытягиваясь вверх и слегка брызгаясь.

Василёк отскочил, хотя совсем не боялся воды, и вот рядом с ним возник Водяной — чуть меньше мальчишки ростом. Он был в синем костюмчике с нежными зеленоватыми разводами, крепенький, как боровичок, с забавной, впрочем, такого же цвета, как и у людей, рожицей и очень лукавыми, синими, конечно, глазками.

— Вот, — сказал Водяной, протягивая ручку, которую хотелось назвать лапкой. — Ты, я знаю, Василёк, а я, как уже было сказано — Водяной, — они обменялись рукопожатием. Причём у водяного ладошка, как и ожидалась, оказалось влажной, что было вовсе не противно, а приятно, и чуть щекотно. — Ты вот об улитке подумал, когда след за мной на раковине увидел, да? — спросил Водяной.

— Да, — ответил Василёк удивлённо. — А откуда ты знаешь? Ты умеешь читать мысли?

— Мысли я умею читать иногда — когда они касаются воды и разных существ, связанных с нею. Но вообще мысли обитателей квартир читать совсем несложно — они простенькие очень и совсем одинаковые. Но дело не в этом. Я просто знаю, что когда я маленький и съезжаю по раковине, то остаётся коротко светящийся след.

— А я никак не мог понять, — сказал Василёк — ты одет или это такое вокруг тебя свечение?

— Я могу и так, и так, — ответил Водяной. — Когда я маленький, я свечусь, а когда увеличиваюсь, на мне появляется эта водяная одежда.

— Почему водяная?

— Потому, что я Водяной. Но если ты будешь бесконечно прерывать меня мы никогда не дойдём до улитки.

— А мы должны дойти до неё?

— Конечно. Ибо все улитки, которых ты встречал до этого — вовсе не улитки, а так — мелочь, чепуха пузатая, — Василёк стал вспоминать разных улиток, которых ему доводилось видеть — на даче, ползущих по листьям, в прудах, в аквариумах знакомых... — И не вспоминай, — прервал его Водяной, и Василёк вспомнил, что тот легко читает мысли, связанные с водными существами. — Всё это — не улитки. Вернее — не настоящие улитки.

— А какие настоящие? — полюбопытствовал мальчик.

— Настоящая улитка, — и Водяной поднял назидательно палец, — та, что имеет домик, в какой могут зайти её друзья.

— Ух ты, — восхитился Василёк. Он никогда не слышал, что улитки бывают настоящими и ненастоящими.

— И тебя — поскольку ты в меня веришь, — и лукавые искорки полетели, вернее, поплыли по воздуху, поскольку водяной посмотрел на мальчишку, — я возьму в гости к одной из настоящих улиток.

— Правда? — обрадовался мальчишка.

— Конечно, правда. А иначе зачем я здесь?

— И как же поедem к этой настоящей улитке?

— На водном транспорте, конечно, — важно произнёс Водяной. — К настоящей улитке иначе никак не добраться.

— А где мы возьмём такой!

— Ох, какой любопытный мальчишка! Впрочем, конечно, другой бы меня не увидел, — тут Водяной коснулся чайника. — Транспортom будет он — ведь мы познакомились с тобой благодаря ему.

И тут из носа чайника вырвался пар, хотя он стоял всего лишь на столешнице, а не на плите. Пар разлетелся тысячей загадочных брызг, окутал чайник, и он стал меняться на глазах — бока его разошлись в стороны, нос вытянулся вперёд, недра раскрылись, и внутри, оказалось, есть уютные — синенькие, конечно, — сиденьца. Кухня тоже слегка увеличилась, и чайник — размером с маленькую лодку — пробасил:

— Ну, поплыли?

— Вот здорово! — восхитился Василёк. — У нас будет говорящая лодка.

— Я не лодка! — обиженно пробасил чайник. — Я чайник, временно ставший лодкой.

— Прыгай! — скомандовал Водяной. И они прыгнули одновременно.

— Какие мягкие сиденья, — Василёк ещё несколько раз — осторожно и аккуратно — подпрыгнул на синеньких подушках.

— А то, — сказал Водяной, махнув ручкой.

И тотчас кран — такой обычный, скучный кран — вытянулся, как хобот слона, раскрылся, как ворота, и зазвучала тихая музыка синевато-серой, похожей на речную воды. Вода качнулась — чайник, временно ставший лодкой, легко взлетел и сразу же приводнился, мерно покачиваясь, постоял минуту-другую и поплыл — сам собою, легко и свободно.

— А далеко ли плыть до настоящей улитки? — спросил Василёк нового знакомого.

— Это зависит от самой улитки. Они бывают двух видов — совсем настоящие и настоящие понарошку. Те, какие понарошку, только делают вид, что они настоящие, они совсем неинтересны, но настоящие... о, это чудесные улитки...

— Так к какой же мы плывём? — слегка запутался Василёк

— К самой что ни на есть настоящей! — гордо молвил Водяной. — Разве повёз бы я тебя к другой?

Берега вокруг текли и переливались многокрасочно. Длинные лианы тянули свои зеленоватые руки к геометрическим плодам, росшим на деревьях, чьи странные формы не могли не повеселить. Василёк глядел, как один подвижный треугольник, оторвавшись от ветки, покачнувшейся слегка, увернулся от лапки лианы и, проскользнув в толстое тело круга, растворился в пространстве.

— Ну и ну!

Водяной коротко усмехнулся.

— Тебя больше не интересует, далеко ли до настоящей улитки?

— Интересует, конечно, — откликнулся Василёк. — Но тут вообще столько всего интересного!

— Так вот — настоящие улитки живут везде, — авторитетно сказал Водяной.

— То есть? — переспросил Василёк, наблюдая за манипуляциями ромба — он стремился нанизаться на красную светящуюся пирамиду, что никак — ну совсем никак — не удавалось.

— То есть мы можем приплыть в любой момент. Или отодвинуть этот момент.

— А разве момент можно отодвинуть?

— Вообще это зависит от самого момента. Бывают, конечно, особо упрямые. Но наш — покладистый. И мы его легко отодвинем. Итак, если тебе надоело плыть — то мы уже приплыли.

— А мне не надоело, — сказал Василёк.

— Тогда поплаваем ещё немножко.

— А нельзя ли заманить какую-нибудь из фигурок к нам в лодку?

— Попрошу не забывать, — басовито напомнил чайник, — что я чайник, временно ставший лодкой.

— Конечно-конечно, извини, — быстро сказал Василёк.

— Можно, — ответил Водяной. — Вон тот квадрат, по-моему, вполне подходит на роль гостя прогулки.

— А бывают такие гости?

— Бывают. Гости бывают всякие, — и Водяной обратился к шустрому квадрату, перепрыгнувшему только что катившееся куда-то кольцо.

— Уважаемый квадрат, не угодно ли?..

— Угодно, — прервал его нагловатый квадрат, сделал длинный прыжок и оказался между Водяным и Васильком. — Всем привет, — крикнул он, одной из сторон своих снимая шляпу, которую раньше не было видно. — Я квадрат, что понятно, а вы?

Друзья представились.

— А плывём мы, — сказал Василёк, — на чайнике, временно ставшим лодкой.

Чайник басовито погудел.

— А куда плывёте? — спросил квадрат.

— Мы плывём к настоящей улитке, — с гордостью сказал Василёк, помня, что немногие знают настоящих улиток.

— О-о-о! — протянул квадрат и подбросил вверх свою шляпу. Та взмахнула крылышками и полетела за неуёмным кольцом. — Тогда стоит спеть!

И он затянул:

*Мы плывём, мы плывём, в гости мы плывём к улитке,
Никакой, никакой вовсе нету здесь ошибки —
Нету совершенно никакой.
Ждёт ли нас? Нет не ждёт, никого вообще улитка,
Ничего, раз добра, нету никакой ошибки,
Никакой, никакой
Вовсе нету здесь ошибки.
Тру-ля-ля, тру-ля-ля,
Тру-ля, тру-ля, тру-ля-ля...*

При этих тру-ля-ля квадрат поймал из воздуха шляпу, так никого и не догнавшую, дважды подкинул её и окончательно отпустил на волю.

— Не хотите ли с нами к улитке, уважаемый квадрат? — спросил Водяной несколько церемонно.

— Нет, благодарю, — ответил тот. — Я был у неё вчера. И к тому же мне надо решить проблему с треугольником. Он сильно зазнаётся — будто забыл, что у него только три стороны, а у меня — четыре. К тому же надо догнать кольцо.

— Тогда мы приплыли, — сказал Водяной.

— Прощайте, — весело крикнул квадрат. — Приятно было познакомиться.

Он выпрыгнул за борт и, весело, брызгаясь, покатился по реке.

— Как же мы приплыли? — спросил Василёк.

— А вот так, — ответил Водяной.

И — Василёк увидел: в тени дерева, чьи корни уходили прямо в воду, а крона упиралась в небо, цветасто составленное из разных геометрических фигур, находился домик, напоминавший раковину, и над овальным входом была надпись — «Дом настоящей улитки».

Они сошли на берег, и трава прошелестела им приветствие.

— Траве необходимо ответить, — сказал Водяной. — Жаль, что мы не захватили для неё гостинец.

Чайник, издав довольно сложный гудок, быстренько свернулся и принял свой изначальный вид.

— А это, — после того, как они поприветствовали траву, сказал Водяной, — гостинец для улитки, — и он подхватил — ловко и кругло — первоначальный чайник.

— Как? — растерялся Василёк. — А на чём же мы поплывём назад?

— Не беспокойся, — басовито ответил чайник, — чайники вроде меня — то есть настоящие чайники — умеют отбрасывать тень. Тень эта подождёт вас и послужит вам лодкой.

И действительно — на траве обозначилась приятная серая тень, несколько продолговатая и уютная.

— Я подожду, — подтвердила она.

Водяной позвонил. Улитка — напоминавшая уютную бабушку в чепчике, из которого мило поднимались мягкие рожки, и в сереньком платьице — плавно отворила дверь.

— А, это вы, — пропела она. — Заходите, заходите. Я почему-то так и подумала, что это вы.

— Мы привезли вам чайник, досточтимая настоящая улитка, — молвил Водяной, протягивая ей чайник.

— Чудесно, чудесно, — голос у улитки был округлый и влажный. — Тем более, что вы уже пьли на нём, и значит, опыт его обогатился. А чайники с обогащённым опытом всегда интереснее просто чайников. Ну, прошу.

И они проследовали в единственную — тоже округлую, но совершенно не влажную — комнату настоящей улитки. Стол был, естественно, зелен, и стульев вокруг него — точно три. Под балахоном из чего-то зеленого, слегка качавшегося располагалась постель, а мебель — низенькая, коричневая — комоды, шкафы и проч. — стояла, как ей и полагается, вдоль стен.

Чайник поставили на тумбочку, и он закипел сам, бодро выбросив струйку пара. Тут же весёлым рядом вылетели из комода чашки, ложки, сахарница и разместились на столе аккуратно, как полагается. А варенье улитка достала сама.

— Варенье требует особого отношенья, — пояснила она. — Никуда не годится, если оно обидится. Обиженное варенье становится горьким и вообще может уйти из дома.

— Как же оно уйдёт? У него же нет ножек... — усомнился Василёк.

— Это совершенно неважно, — пояснила Улитка. — У обиженного варенья вполне могут вырасти лапки, и оно пойдёт искать себе другого хозяина.

Улитка предложила садиться. Взлетевший чайник наполнил чашки, причём из носика его лился самый настоящий, карминно-крепкий чай, а вовсе не кипяток; и они расселись, раскладывая по розеточкам — те проступили на столешнице сами, без напоминанья — варенье.

— Думаю, — сказал Водяной. — Нашему другу будет интересно узнать, из чего оно.

— О, это особое, улитковое варенье, — с гордостью произнесла улитка. — Его рецепт перешёл ко мне от бабушки, а той... уже сложно сказать от кого. И главная его особенность заключается в том, что никто не знает, из чего оно.

— Как же так? — растерялся Василёк.

— Очень просто. Вы ставите пустую банку в комод и очень просите варенье — тут главное не просто попросить, а очень попросить — чтобы оно поселилось в нём. В зависимости от силы просьбы, оно появляется или на другой день, или через месяц...

— Или вообще никогда, — закончил Водяной. — Я слышал про это улитковое варенье. Но главное — у него такой вкус, какой тебе хочется.

— Правда? — обрадовался Василёк, скорее зачерпывая ложечкой массу. — О, — довольно зажмурился он, — клубника.

— А у меня, — деликатно пробуя, сказал Водяной, — вода.

— Как вода? — не понял Василёк.

— Ну, я же не питаюсь ничем, кроме воды, — пояснил Водяной. — Только в качестве варенья — у меня особенно густая вода.

— А что у вас? — вежливо поинтересовался Василёк у улитки.

Улитка зажмурилась, точно прислушиваясь к ощущениям.

— Никак не привыкну к его свойствам, — призналась она. — Иногда оно напоминает по вкусу цветы кувшинки, иногда становится совсем безвкусным. Сейчас... пожалуй, оно походит на вкус треугольника.

— А разве треугольники едят? — удивился Василёк.

— Да, но только треугольники. Ни в коем случае нельзя есть ромбы, квадраты и прочие фигуры, а треугольники весьма легки и приятны на вкус.

— А с нами плыл один квадрат — весёлый такой, у него была шляпа, и он пел песенку, — сообщил Василёк.

— Я знаю этот квадрат, — сказала улитка. — Он, бывает, заходит ко мне в гости. Иногда рассказывает забавные истории. Правда, в последнее время заикнулся на кольцо, которое он должен почему-то догнать. Втемяшилось ему в голову...

— Разве у него есть голова?

— Не знаю, — честно призналась улитка. — Но думает же он чем-то, когда распевает песенки.

— Дорогая улитка, — сказал Водяной, прихлёбывая чай, — многие существа способны думать желудком, ногами или другими частями тела. Так что я не стал бы утверждать, что у квадрата есть голова.

— С другой стороны, — задумчиво произнёс Василёк, — я никогда не встречал квадратов с ногами или желудком.

— Бывают невидимые желудки, — авторитетно пояснила улитка. — У треугольника он, например, может помещаться в самом его центре. Но ноги ему действительно ни к чему — он и без них шустро двигается.

— А вот мне интересно, уважаемая улитка, — произнёс Василёк, — как же вы раньше пили чай, если у вас не было чайника.

— О, это совсем несложно, — пояснила улитка. — Во-первых, у меня было несколько чайников — поочередно, не сразу. Но все они обиделись — чайники вообще обидчивый народец — и ушли. У обиженных чайников, как и у обиженного варенья, тотчас отрастают ножки. Они думали, что лишат меня возможности пить чай. Но — не тут-то были! Мои друзья — водяные лилии и кувшинки, которые столь добры, что позволяют мне иногда полакомиться своими частями, — охотно производили чай для меня. Они умеют выращивать его — прямо горячий, карминно-красный — в недрах своих цветков и щедро делятся с друзьями.

— Хотел бы я попробовать такой чай, — мечтательно протянул Василёк.

— Увы, — отозвалась улитка. — Этот чай — только для настоящих улиток.

— Вот видишь, — обратился Водяной к Васильку, — как мы угадали с нашим подарком.

— Да, — молвила улитка, — нет ничего важнее, чем угадать с подарком. Но, друзья мои, — спросила она, — мне любопытно, куда вы плыли вообще? Был ли у вас маршрут?

— Нет, никакого, — честно признался Василёк.

— Ну как же, — заметил Водяной. — Маршрут, конечно, был, просто ты его не заметил. Маршрут — уплыть от одиночества, гномик которого может дать замечательные подсазки.

— А, этот гномик известен мне, — воскликнула улитка. — Он иногда заходит, рассказывает всякие истории.

— Значит, вы видели его? — спросил Василёк.

— Нет, увы, его невозможно видеть. Да и слышать, что он говорит, можно только в себе.

— Я слышу, — сказал Василёк. — Такое нежное что-то. Иногда, правда, очень скучное, сероватое...

— Главное — слышишь, это уже хорошо, — чай закончился, и улитка спросила: — Но куда же вы планировали отправиться, навестив меня?

Василёк пожал плечами.

— Куда? — переспросил Водяной. — О, это просто. Чудесная наша водная тропка сама приведёт куда-нибудь. Если, конечно, Василёк захочет плыть.

— Я? Я? Здорово! Только и мечтаю об этом.

— Тогда, — сказал Водяной, — отправимся, не будем тянуть. Спасибо за чай, дорогая улитка, и всего хорошего.

Улитка, двигаясь привычно-плавно, проводила их до дверей и объяснила, что улитки — особенно настоящие — вообще не любят покидать своего домика.

Потом улитка стояла и смотрела, как Василёк и Водяной подошли к терпеливо ждавшей их тени чайника, и она стала расти, плавно стекая в воду, покачиваться, превращаясь в удобную лодку; и когда они устроились на подушках, Василёк помахал улитке рукой, а она в ответ прощально качнула рожками.

— Какая она милая, — сказал Василёк.

— Настоящие улитки все милые, — объяснил Водяной. — Они никогда не ворчат и всегда всех угощают чаем. Если у них, конечно, есть чайники.

Серая вода переливалась синими, некрупными волнами, иногда вспыхивала майской зеленью, а то отливала золотом августа, и Василёк поинтересовался, куда они на этот раз.

— Пожалуй, — задумчиво сказал Водяной, чуть увеличившись в размерах, — я познакомлю тебя с весёлыми креветками.

— А почему ты стал больше?

— Разве? — отозвался Водяной, принимая прошлое обличье. — Я и не заметил. С Водяными, когда они задумаются, такое случается — то они чуть вырастут, то уменьшатся.

— Только не уменьшайся, — попросил Василёк. — Если ты уменьшишься, а потом исчезнешь, то как же я попаду домой.

— О, за это не беспокойся, — твёрдо пообещал Водяной. — Бросить тебя я не могу. Потому что ты веришь в меня. А бросить того, кто в него верит, — ни один Водяной никогда не решится. Таково наше правило.

— А есть ещё и другие?

— Есть, — ответил Водяной. — Но они — неинтересные. Вон, глянь, — тут же показал он на облачко брызг, двигавшееся довольно быстро. — Это же наш знакомый — квадрат.

И точно — быстро-быстро — как маленький пароходик — им навстречу мчался квадрат. Когда поравнялись, он развернулся, и они поплыли рядом.

— Вам удалось догнать кольцо, уважаемый квадрат? — поинтересовался Василёк.

— Нет, — ответил квадрат, отфыркиваясь. — Всё время убегает куда-то.

— А зачем оно вам вообще?

— А я хочу спросить, — не замедляя хода, сказал квадрат, — как мне стать кольцом. Думаю, оно не хочет отвечать, вот и убегает постоянно.

— А зачем?

— Зачем убегает? Ну я же сказал: чтобы не отвечать.

— Нет, зачем вам становиться кольцом?

— А мне надоело быть квадратом. Представляешь, какая тоска — всё время квадрат да квадрат. Даже песенки не помогают. Думаю, поискать его за домиком улитки — это вредное, как повидло, кольцо.

— Разве повидло бывает вредным?

— Повидло-то? Конечно. Вот варенье — никогда.

— Ладно, поплыву, — и квадрат развернулся на ходу. — Пока.

Вода вспенилась, он пропал на миг, но тут же вынырнул, и быстро-быстро, как маленький пароходик, помчался... вернее, поплыл...

— Итак, креветки, — сказал Водяной, зачерпнувши воды и плеснув ею себе в лицо. Капельки прошли сквозь кожу, и на секунду лицо Водяного сделалось румяным от счастья. — Как ты понимаешь, креветки очень не любят, когда их едят. Особенно если это весёлые, жизнелюбивые креветки. Поэтому, в отличие от настоящих улиток, которые живут везде, креветки прячутся. Опять же весёлым креветкам тягостно одиночество, даже если они распевают внутри него, шевеля усиками. Именно поэтому живут они в основном парами — пара тут, пара там. Иногда можно просмотреть глаза, выискивая их — по всем признакам, тут должны быть креветки — а их почему-то нет. Но мы найдём. Не переживай.

— Найдёте, конечно, — промолвила лодка, которая раньше была тенью чайника. — Тем более, что одна пара живёт вон там.

— Где? — спросил Водяной. — Ты не могла бы сказать точнее?

— Там — это означает там. А не здесь, и не тут.

— Ну, хотя бы рукой покажи.

— Я показала бы, — несколько обиженно сказала лодка. — Но у меня нет руки. А там — это значит приплыли, — и она остановилась посередине водной тропы, покачиваясь недовольно.

— Ну вот, встали, — разочарованно протянул Василёк.

— Встали потому, что надо, — сказала лодка. — Прислушайтесь. Друзья прислушались. И услышали:

*Мы весёлые креветки,
Наши усики, как ветки,
Ими шевелим всегда,
Чтоб не смыла нас вода.
Мы креветки, мы креветки,
Нам не нравятся объедки —
Только чистая вода
Наша милая среда.
Мы весёлые креветки,
Хоть отчасти привередки —
В грязной не живём воде.
И не верим ерунде.*

— Распевают, — сказал Водяной. — Значит, они тут.

— Ещё бы, — отозвалась лодка. — Если есть песня, значит, будут и креветки. Не бывает же песня без креветки.

— Уважаемые креветки, — обратился Водяной прямо к воде. — Не могли бы вы показаться? Я бы хотел вас познакомить со своим другом. Он очень милый и воспитанный мальчик.

— Не-а, — послышалось из-под воды. — Лучше прыгайте сюда, к нам.

— Как же мы прыгнем к вам? — удивился Водяной. — Василёк же не сможет дышать под водою.

— Вот ерунда. Почему это? Надо просто представить, что вода — это воздух. Ну, давайте, прыгайте.

И друзья прыгнули. Василёк усиленно представлял, что вода — это воздух. И — получилось. Дышалось легко и славно, как на природе, за городом.

Спустились к креветкам быстро. Те, как на креслах, сидели в углублениях больших коряг.

— Тут есть ещё несколько углублений, — сказала одна из креветок: покрупнее. — Вы можете присесть.

Друзья присели.

— Вот и славно, — сказала одна из креветок. — Мы бы вас чем-нибудь угостили, но у нас тут и у самих ничего нет.

— Чем же вы питаетесь? — полюбопытствовал Василёк.

— Той же водой, — ответила креветка.

Нагнувшись к Водяному, Василёк спросил того — тихо, чтоб не услышали креветки:

— Нужно бы узнать, как их зовут.

Водяной согласно кивнул.

— Уважаемые креветки, — сказал он. — Вот мой друг интересуется, как вас зовут. Согласитесь, очень неудобно всё время называть вас — креветки. Не говоря уже, что это было бы невежливо.

— А нас так и зовут — креветки, — ответила одна.

— И так вы обращаетесь друг к другу?

— Ну да, — молвила та же. — Нас тут только две, так что не перепутаете.

— А что вы делаете целыми днями?

— Сидим в креслицах, — весело отвечала вторая креветка. — И горланим наши песенки.

— И много их у вас?

— Порядочно. Но главное, что это порядочные песенки. Например — вот эта, — и они заголосили:

*Преста-вреста-преста-та,
Под водою красота,
Ни тебе ужасных
Хищных птиц опасных.
Ни жуков грозящих,
Ни забот манящих.
В общем — преста-вреста-та,
Под водою красота.*

— Упс! — закончила уже одна из них.

— А что — Упс нельзя петь вдвоём? — спросил Василёк.

— Нет, конечно, — ответила креветка, но не та, что пропела Упс. — Вдвоём Упс петь нельзя. Он может оскорбиться за раздвоенность, превратиться в кого-нибудь и уплыть.

— Или уйти, — предположил Водяной.

— Нет, — сказала креветка. — Под водою ходить нельзя, только плавать.

— Так или иначе, — подытожила другая креветка. — Но Упс вдвоём не поётся. В этом его особенность.

— А ведь, — лукаво улыбнулся Водяной, — вы были неправы, говоря, что нечем нас угостить. Вы угостили нас песенкой.

— Ну, если вам понравилось — чудесно, — произнесли креветки хором. И одна — верно, она была любопытней — спросила:

— И как вам песенка на вкус?

— Славный вкус, — ответил Василёк. — Напоминает варёную креветку.

Он тут же спохватился, хлопнул себя по лбу — оказалось, в воде это сделать вовсе несложно, — и извинился, говоря, что не это имел в виду.

— А мы не обиделись, — сказала одна из креветок. — Мы очень умные креветки и знаем, что обида разъедает душу. Душа становится губчатая, по фактуре напоминающая изношенное лёгкое — а зачем нужна такая? К тому же часто мы поём сюжетные песенки, а те, кто поют сюжетные песенки, — никогда не обижаются.

— Это какие, например? — поинтересовался Водяной.

— Ну, хотя бы эту, — ответили креветки хором, точно готовясь, и запели:

*Дикотаса-бур-бур...
Дермалиновый тужур
В гости к букре спешает,
Нежно ушками моргает.
Букря маленькая ждёт
И готовит вкусный йог.
Йог приправит повиликой,
Сушкой, золотой клубникой —
Будет вкусно им вдвоём.
Мы же песенку поём.
Дикотаса-бур-бур...
Жил подводный дикий щур —
Щурился на всё на свете
И его боялись дети.
Ох, недобрый этот щур.
Дикотаса-бур-бур...
Съест такого щура щука —
Будет всем другим наука —
Не гляди на свет вокруг
С прищуром недобрый, друг...*

— Хорошая песенка, — сказал Василёк. — Но у меня есть замечание.

— А мы всегда готовы выслушать замечанья, — заметила одна из креветок. — Порой они помогают.

— Вот вы поёте — будет всем другим наука, а потом — идёт слово «друг». К кому же вы обращаетесь: ко всем или к вашему другу.

— О, это совершенно неважно, — ответила одна из креветок. — Главное, обратиться хоть к кому. К тому же друг может рассказать другим друзьям, и те разнесут нашу песенку по всему свету. И все будут знать, что с прищуром не стоит глядеть вообще. Конечно, если этот прищур недобрый.

— А если добрый? — спросил Василёк.

— Тогда сколько угодно.

Лидовая тень проскользнула рядом.

— Знаете, — сказал Василёк, — мне кажется, мимо нас проплыл добрый прищур.

— Конечно, — ответила креветка. — Он часто тут плавает.

— Но вот что мне интересно, — Василёк поглядел вокруг. — Мы уже довольно давно у вас гостим, а ни одна рыба не проплыла мимо. Как так может быть?

— Очень просто, — отвечала креветка. — Это наш, креветочный, уголок, и рыбы тут не плавают. Бывает, впрочем, иногда. Вот хотя бы сом. Он старый, большой и мудрый и никогда не попадает в неприятные ситуации. Вот, кстати, и он...

И точно — из лёгкой дымки воды появилась большая — усатая и лобастая — голова.

— Здравствуйте, — молвила рыба. — Кажется, вы говорили обо мне?

— Да, если вы сом, — ответил Водяной.

— Конечно, — ответил сом с достоинством. — Неужели вы — Водяной — не отличите сома от не-сома?

— Я отличу, конечно, — сказал Водяной. — А вот мой друг, Василёк, может и спутать, — и он кивнул на Василька.

— Правда? — поинтересовался сом, поворачивая большую голову в его сторону. — Тогда запомни, дружок: сом отличается от не-сома, как я от не-я.

— А чем отличается я от не-я? — спросил Василёк, любясь плавными очертаньями большой рыбы.

— Я делает только хорошее, — объяснил сом. — А не-я вечно подбивает его сделать гадость какую-нибудь — соврать там или испортить что-нибудь...

— А-а-а, — протянул Василёк, думая, что тут, под водой, всё так же, как дома, на суше...

— А мы, — сказал он неожиданно для себя, — были в гостях у улитки. У настоящей улитки, — добавил он, спохватившись.

— Это дело, — сказал сом. — Я порой тоже навецаю её.

— Интересно-интересно, — сказал Василёк. — И как же это происходит?

— Очень просто, — ответил сом. — Я подплываю к берегу, высовываю голову, и улитка наливает мне чаю. Мы пьём чай и беседуем.

— А знаете, — сказал Водяной, — мы тоже пили чай и беседовали.

— Естественно, — молвил сом. — А как же ещё может быть?

— А мне вот интересно, — спросил Василёк, — как же вы можете дышать вне воды?

— Очень просто. Ты же ведь дышишь под водой.

И правда, подумалось Васильку.

Тень пала на них — серая и серебристая одновременно.

— О, — протянул Водяной. — Это наша лодка напоминает, что пора бы и честь знать, как говорится...

Креветки полюбопытствовали, кем была их лодка до того, как стала лодкой.

— Тенью чайника, — сообщил им Василёк.

— Тогда неудивительно, что она отбрасывает тень, — резюмировала одна из креветок.

Стали прощаться. Сом заявил, что был бы рад видеть их вновь, и даже ради этого лишний раз готов навесить улитку — хотя вообще-то боится быть надоедливым. Креветки тоже приглашали, обещая к следующему их визиту сочинить много новых песенок. Друзья благодарили, Водяной даже выглядел растроганным.

Они, попрощавшись, оттолкнулись от кресел и точно взмыли вверх. Лодка — предупредительно — слегка наклонилась, но осторожно, так чтобы не зачерпнуть воды, и приняла их на борт, вернее — на подушки.

Что удивительно — друзья были абсолютно сухими.

— А ничего удивительного нет, — констатировал Водяной. — Когда выходишь от друзей — от настоящих друзей — с тобой ничего плохого не может случиться. А быть мокрым — плохо.

— Ты же Водяной, — удивился Василёк. — Разве для тебя быть мокрым плохо?

— Плохо это для тебя, — пояснил Водяной. — А раз мы друзья, что плохо для тебя — то плохо и для меня.

Лодка тихо плыла вперёд. Внезапно она сказала:

— Извините меня, но...

— Что такое? — забеспокоился Василёк.

— К сожаленью, мне пора возвращаться в состояние тени.

— А как же...

— Не беспокойся, дружок, — произнёс Водяной. — Конечно-конечно, милая тень, мне понятно ваше желание. Трудно долго быть не самим собой. О нас не беспокойтесь — мы отправимся к старому джину, и он доставит нас домой. Не думаю, чтобы он отказал в этом.

Лодка подплыла к берегу, чуть накренила нос, и друзья вышли, легко и спокойно, не замочив ног. Серые языки воды нежно наплывали на берег, и в них резвились крошечные пузырьки.

— Вот кто нам нужен, — сказал Водяной.

— Не понял, — произнёс Василёк.

— Пузырьки, — пояснил Водяной.

Он помахал ладошкой, и несколько маленьких, перламутровых шариков выскочило из воды. Все они легли на ладошку Водяного, и он, ласково дунув на них, спрятал в карман.

Лодка стала таять на глазах, уменьшаться... и вот серая тень легла на синюю воду, тень, имеющая очертания чайника, и из неё послышалось:

— Прощайте, друзья, прощайте, рада была познакомиться с вами и оказать вам эту

пустяшную услугу.

— Прощай, лодка, — сказал Василёк.

— Прощай, милая лодка, — сказал Водяной уплывающей тени и, обращаясь к Васильку, пояснил: — Нужно было добавить к слову «лодка» что-нибудь ласковое. Запомни, дружок, всем и всегда надо говорить нечто ласковое.

— Даже тем, кто недружелюбен к тебе?

— Им особенно. Они изменятся тогда, ибо их недружелюбие растворится в твоей ласке.

— А теперь идём, — сказал он. — Джинн заждался.

— Разве он ждёт нас? Он даже не знает, что мы к нему идём.

— О, мой дружок, джинны всегда знают всё. Этот особенно.

— Почему?

— Потому, что он очень стар, и у него нет больше сил любить себя. Только других.

Они прошли по золотистому песку, который перемигивался с ними, вступили в милое царство изумрудной травы, поприветствовали её и, как и полагается, подошли к тёмной, старой, мхом покрытой лампе, лежавшей на земле.

— Тут? — спросил Василёк.

— Ага, — ответил Водяной. — Разве ты не знаешь, что джинны живут только в лампах.

— А вот и нет, — слышалось из воздуха. — Я теперь могу жить везде, ибо я очень стар и не имею никаких желаний.

— Это ты? — спросил Водяной.

— Конечно, — отвечал воздух. Небольшая часть его сгустилась, и джинн — в синенькой курточке, маленький — ростом не больше куста — в забавных, надувающихся панталончиках и, естественно, с белоснежной, серебряной бородой — возник перед ними.

— Здравствуйте, — поздоровался Василёк очень вежливо, ибо никогда ещё не видел джиннов и не знал, как держаться с ними. — А у меня к вам вопрос.

— Только один? — улыбнулся джинн, и с лысой головы его посыпались звёздочки — хотя был день... ну, по крайней мере, светло. — Обычно у всех ко мне масса вопросов. Впрочем, я давно не общаюсь со всеми. Итак, что же ты хочешь спросить?

— А вот вы сказали, что не имеете никаких желаний. Разве это хорошо?

— Конечно, мальчик. Желания питаются тобой, а не ты ими. Они такие мутные, сонные, и им всего вечно мало. А когда ты их отгонишь от себя, ты поймёшь, как ярко солнце и прозрачен воздух, и тогда у тебя останется одно только желание — помогать другим.

— Правда? — недоумевал Василёк.

— Неужели ты думаешь, что такой старый джинн, как я, будет тебя обманывать?

— Нет, просто...

— О, ты ведь всего только маленький мальчик, к тому же впервые путешествующий всерьёз... Ты ещё не можешь знать, что помогать другим — это единственная радость на свете. Но — я надеюсь — ты узнаешь это со временем, узнаешь обязательно, ибо если тебе это не удастся...

— Ой, джинн, — прервал его Водяной, так, будто они были старыми приятелями, — не путай моего маленького друга.

— Почему же только твоего? — удивился джинн. — Нашего.

— Ладно, если Василёк не против — нашего.

Джинн потеревил чуток свою прекрасную серебряную бороду и сказал:

— Итак, вас надо отправить домой?

— Да, — молвил Водяной.

— Чудесно, — сказал джинн, ибо всё было чудесно — и солнышко, золотым кружком сиявшее высоко-высоко, и река, серо-синевато текущая так, будто была лишена течения, и изумрудное царство травы, о котором стоило бы написать особо, и...

— А, мы забыли, — воскликнул Водяной. — Мы ж принесли тебе шарики.

— Да ладно, — сказал джинн. — Разве можно забыть нечто важное?

Водяной сунул руку в карман, вытащил оттуда несколько перламутровых шариков, и они заиграли, заискрились на солнце... Он протянул их джинну, и тогда... Каждый шарик был превращён в замечательную зверушку — пушистую ли, нежную, зубастую — но не страшно зубастую, а забавно, — с тонкими крылышками или вьющимся хвостом. Зверушки эти — умевшие и летать, и бегать, и плавать — радостные — как будто нигде, никогда нет и не было бед — разбегались, или разлетались, или расплывались — кто как хотел, благодаря джинна кто помахиваньем крыльев, кто причудливым зигзагом хвоста, кто словом, мерно тающим в воздухе.

— Теперь зиг, — сказал джинн, когда все зверушки исчезли. — Вы готовы?

— Конечно, — ответил Водяной, беря за руку Василька.

Джинн возгласил:

*Три-четыре,
Может, встретимся ещё мы в этом мире.*

И тотчас закружилось всё, завертелось. У Василька появилось чувство, что он летит и плывёт одновременно — чувство сладкое, как варенье настоящей улитки, и забавное, как пенёк креветок, чувство, которое хотелось бы продлить, но оно закончилось — закончилось сразу и резко, и появился двор — столь знакомый двор — старый, любимый.

Водяной стоял рядом и держал Василька за руку.

— Значит, всё было на самом деле? — спросил мальчик.

— Конечно, — ответил водяной. — Ничего никогда не бывает понарошку.

Огорчился Василёк или обрадовался?

Кусок шланга, валявшийся около куста сирени, обратился в не страшную змею и, плонув — но не презрительно вовсе — водою, — отполз, чтобы не мешать приятелям.

— О, а я и не знал, что он — змея. Он давно... лежит, — Василёк хотел сказать, «валяется», — тут.

— Конечно, он змея. Но не страшная — никого никогда не ужалит и понимает толк в сказках.

— А бывают такие змеи?

— Бывают. Хотя и редко.

Прощаться надо было, но не хотелось совсем, не хотелось.

— Не переживай, Василёк, — сказал Водяной. — Мы ещё встретимся.

— Точно? — спросил чуть расстроенный мальчишка, понимая, что о бывшем с ним никому нельзя рассказать — ни маме, ни папе.

— Обещаю! — улыбнулся Водяной.

Он стал уменьшаться, потом вдруг вырос, стал струистым, окутался аурой, сверкнувшей синевой, и — превратился в маленькую, перламутровую капельку. Василёк подставил ладонь, и капелька упала на неё, блеснула и испарилась.

А Василёк пошёл домой.

Путешествие 2-е

Василёк сидел у окна и учил таблицу умножения. Цифры глядели на него строго, и он подумал, что если предложить им поиграть, они — чего доброго — могут оскорбиться. Поэтому он прилежно запоминал их — вернее, то, что с ними может произойти, если их умножать.

Свет, струившийся в окно, был золотистым и приятно-нежным.

— Не скучно? — раздалось сзади.

Василёк обернулся и увидел Водяного. Тот был маленьким, сидел на диванном валике и весело болтал ножками.

— Привет, — радостно воскликнул Василёк, вскакивая со стула.

— Привет, — весело отозвался Водяной. — Подожди, не кидайся ко мне, сейчас я увеличусь, и мы поздороваемся нормально.

Он поджал ножки, изогнулся причудливо, и, прыгнув с валика, стал нормальным — ну, то есть почти с Василька. Они пожали друг другу руки.

— А разве ты можешь появляться не из воды? — поинтересовался Василёк.

— Я могу появляться откуда угодно, — ответил Водяной. — К тому же, — добавил он, — вода дружит с воздухом, как мы с тобою, — Водяной подошёл к столу и глянул в учебник. — А, таблица умноженья, — протянул он.

— Она такая строгая, — пожаловался Василёк. — Частично запоминается, а частично нет.

— Конечно, строгая, — сообщил Водяной. — Ведь ей же нельзя изменяться. А быть всё время одинаковой — скучища. Вот наша таблица умножения, для Водяных — та веселее гораздо.

— А есть и такая? — недоумённо спросил Василёк.

— Ага, — отозвался Водяной, сунул руку в карман и вытащил маленькую тетрадку. Тетрадка тотчас раскрылась, и цифры запели мелодично:

*Мы цифры милых Водяных,
Понятны мы для них одних.
Мы помогаем им в воде,
На суше и вообще везде.
Мы любим наших Водяных.*

*И нам не надобно других.
Другой — уже не Водяной,
Не понимает нас другой.*

— А можно мне посмотреть? — спросил Василёк.

— Конечно, — ответил Водяной. — Только ты едва ли уследишь за ними.

И действительно — цифры в этой таблице перемигивались, менялись местами, надували крохотные воздушные шары и плескались в маленьком бассейне.

— Надо ж, — восхитился Василёк, стараясь поймать взглядом шустрюю пятёрку.

— Но-но, — сказала пятёрка, — я же не бабочка, чтоб меня ловить.

Она бодро плюхнулась в бассейн, подняв фонтанчик крохотных брызг.

— Какой интересный бассейн! — воскликнул Василёк. — И как это всё умещается в твоей тетрадке?

— Но это же специальная тетрадка Водяного, — сказал Водяной. — Она и рассчитана именно на умещенье многого.

— А чего конкретно?

— О, чего захочешь!

Тройка, покачивая дужками, выскочила из крохотной, бликующей воды и сбросила маленькую медузу на круглую голову девятки. Та фыркнула в ответ и отправила медузу дальше — по эстафете.

— Точно — по эстафете, — сказал Водяной. — Медузы любят эстафеты.

Шестёрка и восьмёрка плыли наперегонки.

— Ну, — предложил Водяной. — Не хочешь ли нырнуть в тетрадку Водяного?

— А можно? — недоумённо спросил Василёк.

— А почему нет? Что нам может помешать? — он положил тетрадку на пол, и она, сверкнув синим, плоско прикинула к шашечкам паркета. Картинки в ней замерцали как-то особенно ярко, и Водяной, взяв Василька за руку, спросил: — Готов?

— Ага, — храбро отозвался тот.

— Тогда на счёт «три-четыре» прыгаем, — Василёк сосредоточился. — Три-четыре, — произнёс Водяной. И они прыгнули.

Лёгкая — будто весенняя — синева поплыла, покачиваясь, вокруг, то увеличиваясь, то уменьшаясь. Плавные медузы торжественно текли мимо, и цифры кидались в них крохотными шариками — перламутровыми и сиреневыми.

— А где они берут их? — спросил Василёк.

Он вспомнил, как дышал под водой, когда они посещали креветок, и сейчас, легко представив, что вода — это воздух, просто воспользовался предыдущим опытом.

— Они делают их из пузырьков, — ответил Водяной, отпустив руку приятеля, поскольку понял, что тот уже достаточно ориентируется в здешнем пространстве.

— А ты так умеешь? — поинтересовался Василёк.

— И ты тоже.

— Я? — удивился мальчик.

— Конечно. Просто пока не знаешь об этом.

— А когда узнаю?

— Уже узнал. Ну, лови пузырёк.

Как раз один, некрупный, проплывал мимо, и Василёк ловко схватил его.

— А теперь?

— Дунь на него, и всё.

Василёк дунул. Отливая сиреневым, пузырёк тотчас затвердел, и мальчик почувствовал, как в ладони лежит очень приятный, тёплый шарик — причём уже перламутровый.

— Спасибо, — издал тонкую благодарность тот.

— Не за что, — ответил Василёк. И всё-таки поинтересовался: — А за что вы меня благодарите?

— Ну как... — ответил шарик, — мне же скучно всё время быть пузырьком. Хочется разнообразия. А сам я шариком стать не могу. Теперь кинь меня... хотя бы в ту медузу.

— А в тройку можно? — полюбопытствовал Василёк.

— Да хоть в девятку, — ответил шарик. — Главное, кинуть.

И Василёк кинул. Шарик, вычертив светящийся зигзаг, ловко залетел в полудужье тройки, она слегка обхватила его, и дальше уже они поплыли вместе.

— Вот так, — сказал Водяной. — Я же говорил, что ничего сложного в превращении пузырька в шарик нет.

Вода расступилась, разошлась, мерцающая краями, и они плавно опустились на небольшую зелёную поляну. Тетрадка Водяного сложилась и спланировала к нему в карман.

Василёк потопал ногами, убеждаясь, что под ними самая натуральная, покрытая

травую почва.

— Почва, — тихо сказал он. Но уже не удивлённо.

— Что ты говоришь, — переспросил Водяной, — почта?

— Да нет, — пояснил Василёк. — Я говорю — почва.

— Конечно, она всегда появляется, когда кончается вода.

— Но в данном случае вода вроде и не кончилась, — сказал Василёк, показывая на небольшой пруд.

— Да, мы воду прошли насквозь, но кончилась она в том смысле, в каком я убрал тетрадку в карман. А это, — Водяной кивнул головой в сторону пруда, — начало новой воды, — они подошли поближе к пруду. Он переливался жёлтыми и зелёными огнями. — Так-так, — сказал Водяной. — Огни жёлтые и зелёные — значит, домик Тюни неподалёку.

— Чей домик?

— Тюни, — объяснил Водяной. И добавил: — Пожалуй, стоит навестить её.

— А она не обидится? — неожиданно спросил Василёк, следуя рядом с Водяным.

Они огибали пруд.

— Тюня-то? А на что ей обижаться?

— И вправду...

Лёгкие зигзаги обозначились в траве. Один двигался за другим, другой за третьим, и все вместе они образовывали весьма занятную колонну движущихся зигзагов.

— Надо ж, — сказал Василёк. — Я всегда считал, что зигзаг — это нечто, рисуемое ручкой или карандашом.

— Это особый вид зигзагов, — пояснил Водяной. — Движущиеся зигзаги. Они ползут только в известном им направлении. И никогда не взлетают, в отличие от овалов.

Чуть подалее из травы поднялись два крупных овала. Медленно и плавно поплыли они по воздуху, уменьшаясь в размерах, пока вовсе не исчезли. Зигзаги остановились и подняли остренькие мордочки.

— Бедные, — пожалел Василёк. — Им тоже хочется летать.

— Нет-нет, — успокоил его Водяной. — Они вполне довольны своей — зигзаговой — участью.

— Да? — усомнился Василёк. — А можно их спросить об этом?

— Можно. Только они не ответят.

— Почему?

— Просто они не любят разговаривать. Их дело ползать. Но ты поверь мне, я знаю, они вполне довольны своей жизнью.

— А где же Тюня? — спросил Василёк, вспомнив цель их пути.

— Вот её домик, — сказал Водяной, указывая на длинную трубу, растущую прямо из земли. Вернее, из травы, ибо трава была здесь повсюду. Труба отливала стальной белизной, но белизной тёплой, ласковой, хотелось погладить глянцевиный бок. — А именно это и нужно сделать, — молвил Водяной, демонстрируя умение читать мысли, которые и вовсе не касаются водных существ. — Иначе мы не попадём к Тюне, — Василёк погладил бок трубы, и она довольно замурчала в ответ, как кошка. — Вот видишь, — сказал Водяной. — Оказывается, Тюня ждёт нас.

В боку трубы образовалась вполне уютная дверь, а за нею показалась лесенка — небольшая, ведущая вниз. Приятели спустились.

Тюня — сама похожая на небольшую трубу и вся покрытая нежной, коричневой шерсткой — сидела в трубообразном кресле.

— Здравствуй, Тюня, — сказал Водяной.

— Привет, Водяной, — ответила Тюня. — Кто это с тобой?

— Это мой друг — Василёк, отвечал Водяной, а Василёк сказал Тюне:

— Здравствуйте.

Он ещё не встречал ни одной Тюни, поэтому не знал, как к ней следует обращаться — на ты или на вы.

— Присаживайтесь, — предложила Тюня.

Было в комнатке ещё несколько кресел, тоже довольно вытянутых, и приятели присели. Вообще комнатка была несколько вытянута вверх, какой и должна была быть, поскольку помещалась в недрах трубы, и вся мебель — то есть стол, два шкафа и кресла имели несколько трубообразный характер.

— Может быть, ты покажешь свою мордочку? — спросил Водяной.

Василёк поинтересовался тихо:

— Почему ты не сказал — лицо?

Из коричневой шерстки проступила мордочка — милая и забавная, напоминавшая хомячковую.

— У Тюнь не бывает лица, — сказала Тюня. — У них мордочки.

— А много вас вообще — Тюнь? — спросил Василёк.
— Пока мне известна одна — я сама. Но раз я есть — то должны быть и другие.
— Но если вы их никогда не видели, откуда же вы знаете, что у них не бывает лиц?
— Я сужу по себе, — здраво ответила Тюня. — То, что у меня есть, обозначается как мордочка. Значит, если есть и другие Тюни — у них тоже будут не лица, а мордочки.

Тюня зажмурилась и чихнула.

— Будьте здоровы.

— А я всегда здорова, — сказала Тюня. И чихнула ещё раз.

— Почему же тогда вы чихаете?

— А я не чихаю, я издаю привычный Тюнин звук.

— Очень похоже на чиханье, — сказал Василёк.

— Возможно, — заметила Тюня, — в мире, из которого ты пришёл, это и называется чиханьем, а тут, у меня — это Тюнин звук. Ты же уже понял, что миры отличаются разным содержательным наполнением.

— Чем ты занималась в последнее время, дорогая Тюня? — спросил Водяной.

— Тем же, чем и всегда, — ответила Тюня. — Сосредоточенно размышляла о мумриках.

— А кто это? — осторожно, чтобы не попасть впросак, спросил Василёк.

— Я и сама не знаю, — ответила Тюня. — Именно поэтому размышления о них требуют особой сосредоточенности.

— Но зачем размышлять о них? — не понял Василёк.

— Ну, во-первых, должна же я что-то делать. А во-вторых, именно потому, что я не знаю, кто такие мумрики, размышления мои носят абстрактный характер, то есть могут привести к интересным результатам.

Из шкафа раздался звук — глуховатый, поскрипывающий.

— По-моему, — предположил Василёк, — кто-то хочет выбраться на волю.

— И не в первый раз уже, — сказала Тюня. — Шкаф периодически издаёт этот звук, но никто не выходит.

— А нельзя ли открыть и посмотреть?

— Нельзя, — сказала Тюня и вздохнула.

— Почему?

— Но ты же видишь — Тюня трубообразная и пушистая, но у неё нет ни рук, ни ног, — объяснил Водяной.

— Так давай мы с тобой, — предложил Василёк Водяному, — откроем шкаф.

— Это мысль. А, Тюня? Ты не хочешь, чтобы мы открыли шкаф?

— Попробуйте. Может быть, там таится нечто интересное.

Василёк и Водяной подошли к шкафу. Это был довольно большой, тёмный предмет, и показалось, что сделан он из могучих древесных корней. Василёк взялся за левую ручку, а Водяной за правую.

— Ну, на счёт три-четыре, — сказал Водяной. И они распахнули створки.

Пушистая горка съехала вниз и уютно устроилась на полу.

— Ах, я так и знала, — воскликнула Тюня. — Вот он — мумрик. Ну, наконец-то я вижу тебя.

Мумрик был желтоватого окраса, не крупнее маленькой собачки, и мордочка, подобная Тюниной, проступила у него на спине.

— Здравствуй, Тюня, — сказал он. — Вот мы и встретились. Я рад.

— А уж как я-то рада! — воскликнула Тюня.

— Видишь, Василёк, — сказал Водяной, — к чему приводят порой упорные размышления. Тот, о ком размышляешь, может появиться в реальности.

— Если это — Тюнина реальность, — сказал Василёк, закрывая свою створку шкафа. А Водяной закрыл свою.

Мумрик приподнялся немного, встряхнулся и, быстро-быстро перебирая мохнатыми лапками, двинулся к Тюне.

— Уважаемая Тюня, — спросил Василёк, — а как же вы, если у вас нет рук и ног, двигаетесь?

— Тюням не положено двигаться, — ответила Тюня. — Им положено сидеть и размышлять.

Мумрик взобрался на Тюнино кресло, и она слегка подвинулась, освобождая ему местечко.

— Вот так. Вместе нам будет хорошо, — подытожила Тюня.

Мумрик засопел и, показалось, задремал.

— Но... — снова весьма осторожно полюбопытствовал Василёк, — чем же вы питаетесь?

— Я питаюсь воздухом, — ответила Тюня. — Воздухом, который просачивается сквозь мою трубу-домик. Поэтому, друзья мои, хоть я вам очень признательна за

мымрика, я не могу угостить вас.

— И не надо, — сказал Василёк. — Один наш знакомый джинн говорит, что самое важное — помогать другим, а вовсе не угощаться. Так что с нас довольно появления мымрика.

— Ах, какой умный джинн, — восхитилась Тюня. — Впрочем, так и должно быть. Джинны не бывают глупыми.

Водяной и Василёк одновременно поднялись с кресел.

— Дорогая Тюня, нам пора, — сказал Водяной.

— Да, теперь, когда у вас есть мымрик, вы будете совершенно счастливы.

— Спасибо, — сказала Тюня. — Это вы верно заметили. И если бы мымрик не заснул, думаю, он тоже сказал бы вам — до свиданья. Но, так как он спит, я скажу два раза — за себя и за него, — и она сказала.

Друзья ответили и пошли к лесенке. Поднявшись по ней, Василёк погладил изнаночную сторону трубы, и они выбрались на зелёную поляну.

— Вот так и строится жизнь, — философически заметил Водяной. — Мы помогли Тюне, а кто-нибудь потом поможет нам.

На краешке пруда сидели две лягушки. Они распевали песенку, широко открывая рты:

*Мы лягушки, мы лягушки,
Мы весёлые подружки.
Любим делать мы прыг-скок,
Прыг — на Юг, скок — на Восток.
Ну а если встретим клевер,
Это, значит, будет Север.
А до Запада скакать
Неохота нам опять.
Прыг-скок, прыг-скок.
Вот он Запад, вот Восток...*

Одна из лягушек подскочила и бодренько шлёпнулась в воду. Над водой раздалось недовольно:

— Вечно эти лягушки... Никогда не могут сидеть спокойно.

— Кто это? — удивился Василёк.

— Как кто? — ответил Водяной. — Пруд, конечно.

— Да? Никогда не доводилось купаться в разговаривающем пруду.

— А я не для купанья, — сказал пруд.

— А для чего тогда?

— Я для покоя. А эти лягушки-подружки вечно прыгают в меня. Какой уж тут покой!

Лягушка, прыгнувшая в воду, высунула мордочку и поинтересовалась у друзей:

— Не знаете ли, который час?

— Увы, — развёл руками Водяной. — Это нам неизвестно.

— А почему вас интересует время? — спросил Василёк.

— Потому, что нам надо петь по часам, — лягушка выбралась из воды и уместилась рядом с подружкой. — Если мы переборщим с нашим пеньем — пруд вообще возмутится.

— Да уж, — сказал пруд. — Я бы предпочёл вовсе обойтись без вашего пенья, но раз уж вы тут живёте, ничего не поделаешь, — и он мелодично покачал небольшими волнами.

— Послушайте, — сказал Василёк, обращаясь к лягушкам. — Если вас так интересует время, не стоит ли завести часы?

— Мы бы завели, — ответила одна из лягушек, — но у нас их нет.

— А если тщательно поискать? — предложил Василёк. — Часы должны быть где-нибудь в округе.

— Мы искали, — сказала вторая лягушка. — Искали внутри пруда и по берегам его. Даже допрыгивали до домика-трубы Тюни, но часов нигде не оказалось.

— Да, часы тут найти непросто, — посочувствовал лягушкам Водяной.

— Однако, — сказал Василёк, — если у вас нет часов, как же вы можете петь по ним?

— А мы чувствуем, — отвечали лягушки хором, — когда можно, когда нельзя.

— Тогда, — логично предположил Водяной, — может быть, вам вовсе не нужны часы?

— Может, — сказала одна из лягушек. — Но с часами всё же надёжнее.

— Не поискать ли нам, — наклоняясь к Водяному, предложил Василёк, — вдруг получится?

— Пожалуй, — согласился тот.

Для начала они обошли пруд. Часов нигде не было. Попадались мелкие камешки, ракушки, отливавшие перламутром, всякая всячина, но никаких часов — ни ручных, ни настенных — им не встретилось вовсе. Пруд мерцал золотисто. Лягушки молча глядели в него.

— Тогда поищем в лесу, — предложил Водяной. — В лесу чего только нет.

— Но где же лес? — спросил Василёк.

— А мы поступим по методу Тюни — представим лес, он и возникнет. Давай зажмуривайся и представляй — тщательно и точно. На счёт три, — Водяной скомандовал, Василёк зажмурился, представляя лес, могучую сумму деревьев, тропки между них, замшелые валуны, красивые поляны... — Всё, — услышал он голос Водяного, — можно открывать глаза.

Лес действительно сиял, переливался зелёными и золотистыми оттенками, и приятели двинулись к нему — что ещё им оставалось делать? Они вошли под живую лиственную арку, и она заиграла лучами листьев, приветствуя их. Тропинки вежливо открывались, точно указывая, куда идти.

— Но, — сказал Василёк, — часы же не растут на деревьях.

— А почему бы им не расти? — ответил Водяной. — Это же не простой лес, — они вышли на маленькую поляну, где солнечные зайчики играли в чехарду. — Привет, ребятки, — сказал Водяной. — Не встречались ли вам часы?

Зайчики остановились, и старший поглядел на Водяного.

— Идите туда, — он махнул лучиком, — в гущу. Там они встречаются иногда.

— Спасибо, — сказал Василёк, и они пошли.

Валуны оказались на прежнем месте — то есть там, где их и представлял Василёк. Мох был красив, бархатист, и в нём барахтались разные забавные жучки и козявки.

— Ой, — раздался писк, и Василёк вздрогнул.

— Кто это?

— Это я — козявка, — сказала козявка. — А вы, как мы думаем, за часами, да?

— Ага, — ответил ей Василёк.

— Вообще-то меня зовут малявка. Но многие находят такое имя обидным, поэтому я обычно представляюсь козявкой. Идите по тропке, что начинается за нашими валунами. Думается, часы уже выросли. Вы их увидите.

На пятом — если считать от валунов — дереве, на нижней ветке росли весьма приличные — если иметь в виду их объёмы — часы.

— Итак, — резюмировал Водяной, — мы у цели. Но вот вопрос — как их снять?

— Нет ничего проще, — сказали часы, разрешая недоумение друзей. — Мы уже спелые часы. Отойдите немножко, и сейчас мы сорвёмся вниз.

— А вы не разобьётесь? — испугался Василёк.

— Часы никогда не бьются, — ответили часы. — Иногда они только спешат.

Приятели отошли, давая часам возможность спокойно спуститься вниз. Совсем спокойно не получилось — был небольшой шум, но всё в целом прошло хорошо. В прямоугольном деревянном чехле, с милым хвостиком сзади часы стояли на тропинке и приветствовали друзей ходом своих стрелок.

— Чудесно, — сказал Водяной. — Теперь — если вы не против — мы отнесём вас лягушкам.

— А зачем нас нести? — удивились часы. — Мы можем идти сами.

Они чуть приподнялись, и Василёк увидел их ножки — маленькие и аккуратные.

Пошли. Часы бежали впереди, весело покручивая закорючкой хвостика. Как только вышли из леса — он пропал.

— Ничего удивительного, — заметил Водяной. — Это же воображаемый лес.

Лягушки молча смотрелись в пруд.

— А вот и мы, — сказал Василёк. — Мы вам принесли, вернее, привели часы.

Часы сели на край бережка, прямо перед лягушками, и те обрадованно уставились на циферблат.

— Вот спасибо, — сказали лягушки хором, — теперь мы точно будем знать, когда стоит петь, а когда — помолчать, — и запели:

*Мы с часами, мы с часами,
Веселее будет нам,
Будем петь мы по часам —
Так удобней, знаем сами.
Чтоб не беспокоить пруд,
Будем петь мы по часам.
Опа-ри-ру-ри-ру-рам,
Петь — такой весёлый труд.*

– Чудесно, – сказал Водяной.

И Васильку как-то сразу ясно стало, что пора возвращаться домой.

– Но... как же мы вернёмся? Без джинна.

– О, на этот раз он нам не понадобится. Ведь у меня есть тетрадка.

Водяной вытащил из кармана свою тетрадку и, как раньше на полу, разложил её прямо на траве.

– Прощайте, прощайте, – прокричали лягушки.

– До свиданья, – вежливо сказали часы.

– Рад был познакомиться, – вежливо промолвил пруд.

Крохотный бассейн возник на тетрадном листе – крохотный, но абсолютно настоящий – было видно и слышно, как в нём живёт и плещется вода. Водяной взял Васильку за руку, поинтересовался, готов ли тот, и, получив удовлетворительный ответ, бросил:

– Нырять, – и они нырнули.

Медузы вновь проплывали мимо них, плавные и торжественные, и цифры резвились вокруг, подтверждая собственные правила.

Путь был недолог – друзья, сухие и лёгкие, вынырнули в комнате Васильку, а тетрадка лежала на полу. Водяной нагнулся, поднял её и спрятал в карман.

– Вот так, – сказал он улыбаясь.

– Что ж, – произнёс Василёк с надеждой, – до будущих встреч?

– Непременно, – пообещал Водяной и, как в прошлый раз, когда они прощались, обратился в перламутровую капельку, которая испарилась с ладони Васильку.

Путешествие 3-е

– А этот мотоцикл, – сказал Василёк, – всегда привязан, я никогда не видел, чтобы кто-нибудь на нём ездил. Хоть куда.

На этот раз он сам предложил прогулку – обычную прогулку, без чудес, по близлежащим улицам.

– Без чудес нельзя, – сказал Водяной. И пояснил: – Скучно.

Василёк согласился. Но вышли они из дома самым обычным образом – через дверь, спустившись предварительно на лифте. И вот, когда проходили двор, мальчик показал на мотоцикл. Вид у того был достаточно грустный.

– Опля, – сказал Водяной, и с пальцев его брызнула сумма капель. Широкий глаз мотоцикла открылся, и цепочка, приковавшая его к парапету, спала. – Теперь ты можешь путешествовать сам, – сказал ему Водяной.

– Занятно, – ответил мотоцикл. – Но я боюсь, – он моргнул круглым глазом, – что другие машины... и мотоциклы будут недовольны, если увидят меня одного, без седока.

– А ты придумай себе седока, – посоветовал Водяной. – Если твой пропал.

– А мой не пропал, – ответил мотоцикл. – Уехал куда-то. Без меня.

– Всё же скучно, наверно, всё время быть прикованным к одному месту, – предположил мальчик. – И глаз у тебя был заплаканный.

– Скорее, запылённый, – сказал мотоцикл. – Ну, спасибо, в общем. Немножко, пожалуй, прокачусь.

– Не волнуйся, – напутствовал его Водяной, – я сделаю так, что тебя никто не увидит.

Тот отъехал на несколько метров, но тотчас вернулся.

– А как мне привязаться опять, – спросил, – когда накатаюсь?

– Ты фыркни вот так, – объяснил Водяной. Он сложил губы дудочкой и фыркнул определённым образом.

– А вдруг не получится? – предположил мотоцикл.

– Непременно получится, – сказал Водяной. – Я запрограммировал это, брызгаясь волшебными каплями.

– Тогда хорошо, – ответил мотоцикл. – Привет, – и он укатил в соседний двор.

– Вернётся? – спросил Василёк.

– Конечно, – ответил Водяной. – Мотоциклы – они верные.

И пошли дальше. Мир вокруг был обычным миром – конкретным, тяжёлым, с избытком деталей.

– А они тебе все знакомы? – спросил Василёк.

– Детали-то? Конечно. Всюду, всегда одинаковые.

– Тогда тебе, наверно, неинтересен этот двор, эта улица...

– Почему же? Просто их надо немного подсветить.

– А как?

— Очень просто.

Они подошли к большому, седоватому тополю, и Водяной предложил Васильку взять его за руку, что тот и сделал. Тотчас же они — даже, как показалось мальчику без движенья, — очутились внутри ствола и потекли, помчались вверх, неумно, мощно. Соки дерева мелькали вокруг, цвели сладкой массой, и становилось весело, легко и свободно. Василёк и Водяной выпорхнули, будто птички, на верхушку кроны и, оба маленькие, обнаружили себя в серединке листа.

— Вот это я называю подсветить мир, — сказал Водяной. — Согласись, без подсветки он достаточно беден.

Ворона опустилась на ветку, и листок слегка вздрогнул, а друзья вздрогнули с ним.

— Привет, ворона, — сказал Водяной.

— Кар-р, — ответила ворона.

— Неужели она нас не поймёт? — удивился Василёк.

— Почему не пойму? Пойму, — ответила ворона. — Только не знаю, понравится ли вам мой грай.

— Мне нравился всегда, — сказал Василёк. — Мне чудилось, что это маленькие такие шарики падают, и хотелось их поймать.

— Надо ж, — отвечала польщённая ворона, — ты первый мальчик, кто оценил мой грай так интересно, — и ворона издала цепочку карров, протянувшихся в воздухе.

— А эти уже похожи на проволочные штучки.

— Да, пожалуй, — согласилась Водяной.

— Всё же спасибо, — сказала ворона. — Интереснее граять для кого-то, чем просто так, — она взмахнула крыльями и улетела.

Ветка слегка покачнулась, покачнулся и листок, и друзья вместе с ним.

— А как мы назад? Так же? — спросил Василёк.

— Зачем так же? Давай разнообразить пути.

Он взял мальчика за руку, и они спрыгнули вниз и, точно два шарика грая, полетели к земле, полетели, а когда коснулись асфальта, стали обычными.

— Интересно, — а никто не видит, что происходит с нами?

— Никто. Зачем же, чтобы кто-нибудь видел это?

Мимо проехал мотоцикл. То, что он едет один, не удивляло ни людей, идущих по своим делам, ни водителей машин. Мотоцикл был очень аккуратным и не нарушал никаких правил. Заметив друзей, он посигналил им — опять же так, что слышали это только они.

— Вот видишь, — сказал Водяной, — никто же не замечает необычный мотоцикл. Так и наши превращения незаметны для других.

— А куда он сейчас? — спросил мальчик.

— Возвращается на место, — отозвался Водяной. — Накатался.

Они свернули во двор, обогнули песочницу, возле которой сидела собака, и, поздоровавшись с нею, остановились на минутку.

— Ты не потерялась? — беспокоился Василёк, зная, что собака поймёт его.

— Нет-нет, — ответила та. — Сейчас выйдет хозяин.

— Не будем задерживаться, — сказал Водяной, и они вышли через двор на улицу.

— Много машин, — недовольно заметил Водяной. — Перелетим?

Уже не спрашивая, что делать, Василёк ухватился за лапку Водяного, и они в один момент оказались на другой стороне улицы.

Момент был всего лишь один — но мальчик успел заметить, как из его одинокой сердцевинки видны крыши едущих машин, быстрые такие, как занятные оригинальные насекомые...

— Они в каком-то смысле и есть насекомые, — заметил Водяной. — Ибо всё похожее отчасти оно и есть.

Но, вероятно, только отчасти, подумал мальчик, потому что со стороны машины были вполне обычны и совсем не напоминали никаких насекомых.

— Зато я — вылитое насекомое, — писк донёсся из травы, и мальчик нагнулся, пытаясь разглядеть, кто это.

— А это я — козявка. То есть вообще-то малявка, но многим не нравится это название. Я помогла вам пройти к часам, растущим на дереве.

— А-а-а, — протянул мальчик, — я помню вас. Или тебя? — тут же поправился он.

— Это всё равно. Таким козявкам-малявкам, как я, совершенно всё равно, как к ним обращаются. Лишь бы не раздавили.

— А зачем ты выползла в этот мир? — спросил Водяной.

— Так уж получилось, — вздохнула козявка. — Вынесло как-то. Я сама не хотела.

— А можно тебя взять? — спросил Василёк.

— Её не только нужно взять, — сказал Водяной, — но и переправить обратно, в её мир.

– А ты сумеешь? – спросил мальчик.

– Конечно, – ответил Водяной.

Нагнувшись, он бережно взял козявку, причём она заиграла синевато-красными оттенками, и также бережно убрал в карман.

– Спасибо, – раздался оттуда писк.

– А тетрадки твоей там нет сегодня?

– Нет, сегодня она ни к чему. Мы же гуляем по городу.

– И куда мы направимся теперь?

– О, куда хочешь. Можно даже домой.

– Ко мне? – уточнил мальчик.

– Ну да. Ибо мой дом всюду, где вода. И ты неоднократно бывал в его частях?

– Не знаю, – ответил Василёк несколько растерянно. – Надо подумать.

– Давай присядем и подумаем, – предложил Водяной.

– Давай, – согласился Василёк и направился к скамейке.

– Что ты, – удержал его Водяной, – зачем же садиться на скамейку, если есть волшебный камень.

– Есть? – недоумённо спросил Василёк. – Где же он?

– А вот, – щёлкнул пальцами Водяной, и неподалёку от скамейки действительно возник причудливый, с двумя сиденьями камень. – Садись, – сказал Водяной и подал пример. Сидеть оказалось вполне удобно.

– А другие его не видят?

– Нет, конечно, – ответил Водяной.

– Ой! – воскликнул Василёк.

– Что такое? – обеспокоился и Водяной.

– А ты не задавил козявку?

– Ах, это, – рассмеялся Водяной. – Нет, не беспокойся. Такие малявки, которые по сути козявки, обладают одним замечательным качеством – незадавимостью. С ними ничего никогда не происходит. Такова их особенность. К тому же козявка по каналам моего кармана уже вернулась к себе домой.

– Как это?

– Очень просто. В моих карманах расположены каналы связи с разными мирами.

– Ох ты, – воскликнул Василёк. – Тогда зачем же возвращаться домой. Давай отправимся куда-то!

– Давай. Куда бы ты хотел?

– А если... – мечтательно протянул Василёк, – отправиться в страну динозавров?

– А что, это мысль. Только мы отправимся в страну добрых динозавров.

– А как?

– Увидишь. Ну, встали, – и они встали. Камень, слегка померцав, растаял в воздухе, чего, естественно, никто не заметил. – Теперь, – сказал Водяной, – ты станешь маленьким и окажешься у меня на ладони, – он бормотнул что-то, и Василёк обнаружил себя на уютной и мягкой ладони Водяного. – И, – сказал тот, – я прячу тебя в карман и присоединяюсь к тебе.

Василёк зажмурился, но подумав, что Водяной не говорил ему об этом, открыл глаза. В приятной темноте нечто засвистело, зашуршало, и он понёсся куда-то, чувствуя, что рядом несётся и Водяной. Полёт был быстрым, и закончился приятным приземлением на поляне.

Сложно было описать, как Водяной вынырнул из собственного кармана, но Василька он извлёк оттуда совершенно легко и тут же превратил его в нормального мальчишку.

– Во, смотри, – сказал Водяной.

Огромные деревья росли тут, и силуэты далёких гор мерцали синевато, окружённые золотистой дымкой. Травы были высокими, они переходили в папоротники, а те – в хвощи и плауны, густые, но не цеплявшие никого, нет-нет.

Гномик, держась за стебель, глядел в небо.

– Красиво как, – молвил он, – птеродактили летают.

– Он похож на гномика одиночества, – сказал Василёк Водяному.

– Ничего удивительного, – ответил тот. – Все гномики похожи. Как, впрочем, и козявки.

– Уважаемый гномик, – обратился к маленькому Василёк. – А где вы видите птеродактилей?

– Да вот же они, – отозвался гномик.

И действительно – большие зигзаги обозначились в небе. Они перемещались легко, хотя порою напоминали чаек, высматривающих добычу. Снижаясь над поляной, они становились отчётливей, видно было, какие у них большие, мягкие, кожистые крылья и добрые улыбки.

— Откуда же у них добрые улыбки? — недоумеваю, спросил Василёк. — Я думал, они хищники.

— А у нас нет хищников, — ответил крупный птеродактиль, спланировав на поляну. Два других, приветственно помахав крыльями, полетели дальше.

Гномик, поздоровавшись с могучим ящером, юркнул в норку.

— Привет, Водяной, — сказал птеродактиль. — Ты привёл к нам друга?

— Привет, птеродактиль, — ответил Водяной. — Ага. Это Василёк.

Тот тоже поздоровался и спросил:

— Так почему же у вас нет хищников?

— Когда-то давно они были, — объяснил птеродактиль. — Но постепенно устыдились того, что причиняют боль другим. А как ты знаешь — никого никогда нельзя обижать. Мы все добрались — не сразу, конечно, много потребовалось лет, но вот, наконец, развили в себе доброту настолько, что смогли питаться солнечным светом. У нас никто никого не ест.

— Вот бы людям так! — восхищённо воскликнул Василёк.

— Подожди, — ответил птеродактиль. — Вы тоже к этому придёте. Только не сразу.

— Ну, мне пора, — резюмировал он, плавно снялся с поляны — помахал крыльями: и разминочно, и прощально — и улетел, превращаясь в точку. А потом и вовсе исчез.

Точка померцала на ладони у Водяного — точно крошечный глазок, в котором был виден полёт птеродактиля — и пропала.

— Отправимся дальше? — предложил Водяной. Василёк кивнул.

Они прошли под роскошными папоротниками, чьи лапчатые листья качались над ними изумрудно, и вступили в огромный лес, переливавшийся красивыми оттенками. Трава тут была мягкая, и можно было не опасаться — ибо слова птеродактиля не могли быть ложными — что кто-то выскочит из зелёных густот.

— А вот игуанадоны, — сказал Водяной. — Раньше они паслись, поедая зелень, но теперь и в этом необходимость отпала.

Игуанадоны — большие, как двухэтажные дома — улыбались. В каждой улыбке могло поместиться по небольшой комнатке. И Водяной, и Василёк помахали им и получили в ответ такие ж приветные помахиванья лап.

Широкие листья неизвестных растений расступились, и друзья увидели гладкое мерцающее озеро. Диплодоки — как и положено — с длинейшими шеями и хвостами, входили в них, сладко жмурились, вздымали волны.

— О, какая чудная вода! — воскликнул Водяной. — А ну-ка... — и с разбега он бросился в озеро. Один из диплодоков поддел его на шею, весело подбросил в воздух, поймал хвостом, после чего Водяной нырнул глубоко, а вынырнув, крикнул: — Василёк, давай ко мне!

И Василёк прыгнул. Они плавали возле диплодоков, качались, как на лианах, на шеях и хвостах и веселились от души. А выбравшись на берег, оказались абсолютно сухими.

— Так и должно быть, — сказал Водяной. — Диплодоки же наши друзья.

— А почему мы не поговорили с ними? — поинтересовался Василёк.

— Диплодоки не любят разговаривать, — ответил Водяной. — Но от этого они не менее дружелюбны.

Снова вошли в лес, и послышался рык, низкий довольно.

— Подожди, — спросил Василёк, — птеродактиль же сказал, что никого хищного не осталось?

— Правильно, не осталось, — громко объявил крупный тираннозавр, выбираясь из лесной тени. — Но голоса-то у всех разные. У меня, например, громкий, — он стоял, возвышаясь над друзьями, и маленькие его лапки забавно покачивались в воздухе. — Я бы пожал ваши лапки, — сказал тираннозавр, но боюсь не дотянуться. — А если хотите покататься, я устрою вас на своём хвосте — и в путь, — друзья согласились. Тираннозавр опустил массивный хвост на землю, они взобрались и устроились достаточно удобно. — Ну, в путь, — рыкнул нестрашно совсем тираннозавр и побежал.

Он бежал мощно и быстро, лес мелькал вокруг — многолиственный и многоствольный, богатый, разнообразный. Тираннозавр перешёл на прыжки.

— Не трясёт? — спросил он друзей.

— Не-а, — отозвался Василёк. — Но забавно подбрасывает. Как на аттракционе.

Они выбрались в мелколесье, миновали озёра с диплодоками, и птеродактили, летевшие не так уж высоко, помахали друзьям крыльями.

На одной из полян тираннозавр встал.

— Спасибо за прогулку, — сказали друзья, спускаясь.

— Не за что, — ответил тираннозавр. — А теперь мне пора по своим, тираннозавровым, делам, — и мощные прыжки понесли его в неизвестность.

— Для нас неизвестность, — сказал Водяной. — А ему хорошо известно, куда он

отправился.

— И даже ты не знаешь куда?

— Даже я, — ответил Водяной.

— Но почему?

— Потому что, — улыбнулся Водяной, — нам пора возвращаться.

— Что ж, — сказал Василёк. — Пора, значит, пора.

На этот раз — уменьшенный и отправленный в карман Водяного — он каким-то образом видел, как Водяной и сам нырнул в свой карман, и они понеслись, понеслись... пока не вынырнули у скамейки.

— Хотел бы я иметь такой карман, — сказал Василёк — но не завистливо, а восхищённо.

— А зачем? — сказал Водяной. — Он же есть у меня? Зачем тебе иметь то, что есть у друзей? Они поделятся... — и Василёк согласился.

— Что это? — спросил он, увидав смутно-розовое, очень красивое, нежно-слоистое.

— Где? — полюбопытствовал Водяной.

— Да вон же, — указал Василёк.

— Там ничего нет, — уверенно ответил Водяной. Василёк выглядел разочарованным.

— Но, — лукаво прищурившись, молвил Водяной, — если ты видел розоватое свечение, тебе стоило бы познакомиться с сакурой.

— А откуда она возьмётся?

— Мы позовём её.

Он сделал быстрое круговое движение, и в пространстве возникла мерцающая золотистая полоса.

— Чтобы никто лишний не увидел сакуру, — пояснил Водяной.

Она появилась в центре мерцания — розовая, ветвистая, превосходная.

— Какая чудесная! — восхитился Василёк.

— Не волнуйтесь, дорогая сакура, — сказал Водяной, — мы чуть полюбуемся вами и вернём на место.

Сакура встряхнулась, как собака, выбравшаяся на берег.

— Я не против, — сказала она. — Сакуры на то и существуют, чтобы любоваться ими.

И они полюбовались.

Лепестки были очень нежны, отливали перламутром и напоминали маленьких улиток.

— А они не превратятся в них? — спросил Василёк, зная, что Водяной прочитает его мысли.

— Нет-нет, — ответила за Водяного сакура. — Листья сакуры никогда ни во что не превращаются.

— Пожалуй, мы налюбовались уже, — произнёс Василёк.

— Что ж, — молвила сакура, — тогда мне пора. — Водяной, прошу вас.

Водяной сделал точные движенья руками, и сакура исчезла, а потом растаяла и защитная лента.

— А не слетать ли нам в Японию? — предложил Водяной. — К драконам?

Разумеется, мальчик согласился — да не просто согласился, а с восторгом.

Был продлан тот же путь — через волшебный карман Водяного — и вот:

— Ух ты, как здорово, — восхитился Василёк, выпрыгивая из кармана Водяного. — Значит, мы в Японии?

— Ну да, — ответил Водяной. — Между прочим, тут любят и ценят воду. Правда, меньше, чем в Китае.

— Тогда, может быть, отправимся в Китай?

— Успеем, — резонно заметил Водяной.

Они шли по длинной улице и любовались домами — непохожими на привычные Васильку. У многих дверей висели забавные цветные фонарики, а стены домов казались бумажными...

— Не стены, — поправил Водяной, — перегородки внутри них.

А внутри каждого домика был уютнейший садик.

Хозяин одного из домиков поклонился, улыбаясь вежливо, и друзья поклонились в ответ.

— Я хочу показать вам сад камней, — сказал хозяин. Друзья проследовали за ним. Камни лежали в определённом порядке — и молчали, как и полагается камням. — Они говорят молча, — пояснил хозяин. — И молча воспроизводят устройство вселенной.

Несколько минут Василёк рассматривал это интереснейшее — строгое и простое — устройство. А потом они, поджав ноги и сидя на циновках, пили вкуснейший чай.

Хозяин проводил их, и они двинулись дальше — по длинной-длинной улице...

— А куда мы? — спросил Василёк.

— К дракону, — ответил Водяной. — Он перевезёт нас в Китай.

Дракон обитал за стенами небольшого дворца. Крылья его вздрогнули, приветствуя друзей. Водяной поклонился с достоинством, то же сделал и Василёк. Дракон изрыгнул немного пламени, но тотчас сказал:

— Извините.

— Ничего-ничего, — сказал Водяной, — мы не боимся огня.

— Даже как-то внутри него путешествовали, — добавил Василёк.

— Тогда всё в порядке, — молвил дракон. Голос у него был сильный, почти как у тираннозавра. — Ничего удивительного, — пояснил дракон. — Тираннозавр — мой дальний родственник. Ну, взбирайтесь мне на спину, и — полетим.

Удобно расположившись на чешуйчатой, покрытой сложным узором спине, друзья наблюдали мчавшиеся внизу большие пространства воды.

— Они не особо-то и мчатся, — пояснил Водяной, — просто нам так кажется...

Замелькали города, среди зелени возникали пагоды, и большие стрекозы мелькали около их ярусов, огромная стена тянулась и тянулась, и шевелились леса бамбука...

Гора возникла — серая, многоступенчатая. Снега синели на её вершине, мерцая красиво...

Китайский дракон упражнялся в искусстве пускания огня. Огонь завивался кольцами, сворачивался в круги и рулоны, в нём возникали экзотические письмена, которые сменяли специальные огненные картины.

— Как красиво, — восхитился Василёк.

— Ещё бы, — отозвался японский дракон, опускаясь на гостевой выступ. — Никто не умеет пускать огонь лучше китайских драконов.

Китайский его собрат прекратил упражнения и приветствовал гостей.

— Давненько не виделись, Водяной, — сказал он.

— Ага, — отозвался Водяной. — Это мой... — начал было он...

— А я знаю, — ответил дракон. — Ты забыл, что драконы всегда всё знают.

— Ну, я, пожалуй, полетаю, — сказал японский. — Пока, друзья.

Он взлетел, делаясь меньше и меньше. Василёк провожал взглядом его полёт.

— Вот и ладно, — сказал китайский. И спросил: — Ну, как проводите время?

— По-разному, — изрёк Водяной. — Вот ходили гулять по улице, на которой живёт Василёк, да скучно стало. Решили добавить немножко волшебства.

— Да, с волшебством интересней, конечно, — согласился дракон.

— И вот были у динозавров...

— А, наши родственники, — протянул дракон.

— А потом навестили вас.

— Тоже неплохо, — заметил дракон.

— Дракон, — спросил Василёк. — А вам не скучно одному?

— Нет, что ты, — отозвался дракон. — Мне никогда не бывает скучно. И потом — одиночество... столь относительное понятие!

— Да? — удивился Василёк. — А я думал — либо оно есть, либо его нет.

— С одиночеством никогда нельзя утверждать ничего на сто процентов, — авторитетно заметил дракон. — Бывает, оно есть, когда его нет, и наоборот.

— Это так, — согласился Водяной, глядя вниз с горы.

— Нет, с ней можно только слетать — мерно, кругами, — сказал дракон. — Никому бы не посоветовал пытаться съехать с неё, как с зимней горки.

— А мы и не собирались, — объяснил Водяной. — Для путешествий у нас есть мой карман. И ещё много разных средств...

— Да, я знаю, — сказал дракон, выпуская лёгкое колечко огня.

Василёк поймал его, уверенный, что не обожжётся. И точно — колечко мягко светилось и совсем не жгло. А потом растаяло.

— Его нельзя взять на память, — пояснил дракон. — Но можно запомнить, какое оно.

— Я запомню, — пообещал мальчик.

— Итак, — сказал Водяной. — Вперёд, мой друг. Вернее — в карман.

На сей раз Василька уменьшил дракон, и он втянулся в карман, видя при этом, как то же происходит и с Водяным.

Был полёт, всё мелькало.

— Где это мы? — спросил Василёк.

— Где-то, — отозвался Водяной. — Сейчас узнаем, — колесо прокатилось мимо. — Уважаемое колесо, — обратился к нему Водяной, — не подскажите...

— Вы внутри компьютера, — не останавливаясь, отвечало колесо. — Вернее — внутри интернета, — добавило оно, отъехав на приличное расстояние.

— Надо ж, — восхитился Василёк.

— Вот что означают эти миганья и мерцанья вокруг, — пояснил Водяной, — это сайты и порталы. Ну — куда?

Они свернули на кольцеобразный путь — и двумя шариками выкатились в бильярдную игру. Весело щёлкая по другим шарикам, они катались некоторое время, после чего из темноты лузы провалились в гору сверкающей информации. Эта гора богато лучилась и переливалась, и Василёк подумал, что тут можно узнать всё что угодно.

— Естественно, — отозвалась гора. — Только не спрашивай о своём будущем.

— Почему? — полюбопытствовал Василёк.

— Потому, что оно во многом зависит от тебя.

Пройдя сквозь гору — она не возражала, нет-нет, — они очутились на площадке, с которой взлетали самолёты. Уцепившись за хвост одного из них, спланировали на сайт дачных участков, откуда угодили на болливый форум.

— Форумам и положено болтать, — недовольно заметил он, когда друзья остались недовольны шумом. — Самое подходящее занятие для форума.

Дальше были мигающие разноцветно сайты, мимо которых они будто бы проплывали, иногда узнавая старых знакомых — то настоящая улитка качнёт рожками, то раздастся пенье весёлых креветок.

— А вот смотри, — сказал Водяной, — китайский дракон полетел.

— Точно китайский? — поинтересовался Василёк. — Может быть, японский?

— Нет-нет, японский давно уже дома. Это китайскому надоела его гора, и он решил посмотреть, не изменилось ли что в округе...

Нечто зашевелилось громоздко, и они попали на исторический портал. Ровными рядами армии выстраивались друг против друга; Василёк чётко видел мечи и щиты, но не знал, греки это или римляне.

— Этим людям, а точнее, их правителям, стоило бы поучиться у динозавров, — заметил Водяной. — Те давно уже умеют питаться солнечным светом, а эти всё ещё дерутся.

Армии сошлись с дикими криками, и друзья перескочили на другую клетку пространства — там переливались золотом пески и люди громоздили пирамиды.

— Царь-Фараон — суровый царь, — молвил Водяной.

— А можно его увидеть? — полюбопытствовал Василёк.

— Пожалуй, — ответил Водяной.

Они шли по дворцу, где на стенах были причудливые, цветные картинки, и в зале, куда они вышли, на высоченном троне сидел неподвижно Царь-фараон — в богатых украшениях.

Дальше их качнуло несколько вбок, снова замелькало всё, понеслось, и Василёк увидел, как он уменьшается, падает в карман Водяного, а Водяной, сворачиваясь, следует за ним... И они вынырнули оба возле дома Василька.

— Вот так, — сказал Водяной. — Хорошо полетали. Ну, до будущих встреч?

— А когда они будут?

— Это зависит от обстоятельств.

— А обстоятельства?

— А обстоятельства, конечно, от тебя.

— Какой-то замкнутый круг, — сказал Василёк несколько печально.

— О, не переживай, — утешил его Водяной. — Из каждого замкнутого круга есть выход. Ты убедишься в этом не раз...

Собственно, последние слова произнёс уже не Водяной, а капелька, испарившаяся, как обычно, с ладони мальчишки. И он пошёл домой, вспоминая детали их путешествия и улыбаясь...

Путешествие 4-е

Василёк сидел за столом и игрался с пружинкой, думая про обстоятельства. Пружинка сжималась, забавно вырывалась из рук, подскакивала, и он снова ловил её, снова сжимал, и всё повторялось.

— Интересно, — стал рассуждать мальчик вслух, — обстоятельства — какие они? Круглые? Пушистые? Хорошо, если бы они были пушистыми, тогда...

Пружинка снова вырывалась из пальцев, крутанулась в воздухе, превратилась в синий фонтанчик брызг, и перед Васильком возник Водяной.

— Привет, — сказал он, протягивая лапку.

— О, здорово, что ты появился, — воскликнул мальчик, пожимая её. — Значит, всё же обстоятельства бывают пушистыми!

— Конечно, — ответил Водяной, плюхаясь на диванный валик. — Обстоятельства бывают всякими. Большинство считает их скучными и больно деловыми, а они бывают

весёлыми, игривыми...

— А нельзя ли познакомиться хоть с одним игривым обстоятельством? — попросил мальчик.

— Пожалуйста, — ответил Водяной. — Как раз одно такое заваялось у меня в кармане.

— Мне кажется, — сказал Василёк, — игривое обстоятельство не может заваяться.

— Может, ещё как может.

Водяной сунул руку в карман и вытащил оттуда нечто, сверкнувшее тускло. Потом это нечто расправилось, блеснуло сталью, но тут же — подумав, что сталь это больно строго — сверкнуло золотисто и, скатившись с лапки Водяного, помчалось по полу, как маленькая собачка. Оно весело насвистывало при этом:

*Мол-ге, плохие обстоятельства!
Не верьте, это надувательство!
Все мы хорошие, игривы,
Вы будьте только терпеливы,
Добры к другим и веселы,
Не верьте в тёмные углы,
А верьте радостному свету —
И верой жизнь украсьте эту!*

Обстоятельство кувыркалось, прыгало через себя, перебирало тонкими лапками, будто стремясь зацепиться за что-то, и, наконец, вывалилось в окошко.

— Не разобьётся? — испуганно подскочил Василёк.

— Нет-нет, не бойся, — ответил Водяной. — Обстоятельства никогда не разбиваются.

— Ну, хорошо, — заметил мальчик. — Теперь я знаю, какими они бывают.

— А знаешь ли, что мы предпримем с тобой? — лукаво прищурившись, спросил Водяной.

— Не-а, — протянул мальчик.

— Мы совершим воздушное путешествие. Как тебе предложение?

— Замечательное, по-моему, — отозвался мальчик. — А для воздушного путешествия нужно что-нибудь особенное?

— Ничего особенного. Нужны — ты и я. А раз мы на месте — путешествие состоится.

Он схватил Василька за руку, они подбежали к окну и... полетели... Да-да, полетели. Вы думаете, это невозможно? Отнюдь. Сильное желание позволяет людям летать — не как птицам, понятно, ибо у людей нет крыльев, — летать своеобразно, но достаточно легко.

Сначала мальчик держался за лапку Водяного, и тот будто влёт его вперед и вперед, потом он сказал:

— Теперь ты уже освоился, просто делай движенья, как будто плывёшь. А после, когда освоишься совсем, и движений делать не надо будет — воздух сам понесёт.

И точно — сначала Василёк грёб — как будто брассом, не забывая посматривать вниз, где разворачивалась панорама крыш, и переулки казались ущельями, а потом воздух понёс его сам, держа своими дружественными потоками.

Вороны пролетали мимо. Одна замедлила лёт и поздоровалась. Друзья ответили ей на приветствие.

— А что же, вы не помните меня? Я та ворона, чей грай мальчик сравнил с шариками.

— Конечно-конечно, я помню, — отозвался Василёк, — тем более, что мне не каждый день приходится разговаривать с воронами.

— А мне — с мальчиками, — сказал ворона и подарила ему несколько шариков грая.

Они были цветными и попали в карман Водяному.

— Не беспокойся, дружок, — заметил тот, — я отдам тебе их, когда прилетим.

— Ну, я дальше — по делам, — сообщила ворона и обогнала их.

— А что это там — прозрачное и плотное? — спросил Василёк.

— Это норка Вилты, — объяснил Водяной.

— А разве есть существа, строящие норки в воздухе?

— Существа бывают всякие, — отозвался Водяной. — Вилты только в воздухе и строят норки, — норка парила, просвечивая разными цветами, будто предлагая заглянуть в неё. — Заглянем?

— Если можно.

Они заглянули.

— Заходите, — молвила Вилта. — Вернее, залетайте.

Они залетели.

— А тут уютно, — заметил мальчик.

— Конечно, — ответила Вилта, появляясь из воздуха. — Вилты любят уют.

Она сама была прозрачная, кругленькая, под стать своей норке.

— Ну, дорогая Вилта, — спросил Водяной, — как поживаешь?

— Чудесно, — ответила Вилта. — Всегда в полёте. И сама, и домик.

— А вы как?

— Тоже неплохо, — отозвался Василёк. — Сегодня вот решили попутешествовать по воздуху.

— Чудесное решение, — одобрила Вилта. — Я бы рекомендовала вам осмотреть воздушную гору.

— А мы к ней и тронемся сейчас, — сказал водяной.

И распрощавшись с Вилтой, они тронулись.

— Милая такая Вилта, — сказал Василёк.

— Ага. Вилты всегда милые.

— А их много?

— Встречаются порой.

— А знаешь, — продолжил мальчик, — все, кого мы встречали с тобою — милые и приятные существа.

— Так и должно быть, — резонно заметил Водяной. — Только такими и стоит жить — милыми и приятными.

— Но ведь не все такие, — грустно произнёс Василёк.

— Это временное явление, — объяснил Водяной. — Когда-нибудь все станут такими, — птицы пролетали мимо. — Ночной порой интересней летать, — говорил Водяной, — тогда летают не только птицы, но и звёздочки.

Нечто плавно, сгущенно реяло в воздухе — нечто, не связанное с землёй, прозрачное, но и плотное, слегка подрагивающее, как желе.

— Я люблю желе, — сказал мальчик.

— А это вот и есть — воздушная гора, — объяснил Водяной. — Она не из желе, но чем-то похожа.

Подлетев поближе, они нырнули в гору, как в приятную мягкую массу. Сперва обволакивало чем-то плотным, но лёгким, а потом передвигаться стало совсем приятно. Они летели по стройным, длинным, петляющим иногда коридорам, и тени городов возникали там и тут.

— По-моему, я был в этом городе, — сказал мальчик. — На море, летом. С мамой и папой.

— Наверняка был, — заметил Водяной. — Впрочем, даже если это и не тот город — совершенно неважно. Вон, смотри, появился другой, — и точно — не то внизу, не то сбоку, не то сразу везде возник новый город — весь в пушистых садах, среди которых вздымались красивые здания. — Но их можно только видеть, — сообщил Водяной. — Жить в них нельзя. Не для этого они устроены.

— Построены? — переспросил мальчик.

— Устроены, — пояснил Водяной.

Ещё один город казался старинным, песчаным, строения в нём были ромбовидными и треугольными. Нигде, естественно, не было людей, но Водяной объяснил почему, и мальчик и не ждал их.

Потом они стали скользить меж огромными стеллажами, уходящими в воздух — а где они начинались, было неясно — и Василёк понял, что они летят по гигантской библиотеке.

— Здесь, наверное, все книги...

— Даже больше, чем все, — заметил Водяной. — Здесь есть даже будущие книги — те, что ещё не написаны, и книги, которые вообще никогда написаны не будут, — иногда книги вздымались с мест, пролетали немного, отворялись, как двери. И страницы их мерцали разноцветными огнями. — Зависит от содержания, — пояснил Водяной. — Если оно хорошее, цвет золотистый или синий, если не очень — красный, как воспаленье, а бывает и чёрный, увы, бывает...

Но они вылетели уже из коридоров библиотеки, и теперь — хоть было совершенно светло, даже прозрачно-светло — летели меж звёздами. Тут были крупные звёзды, и звёзды, похожие на медузы, были полосатые, как осы, и тонко скрученные из чего-то, напомилавшего медную проволоку, были звёзды-корабли, и звёзды-дома...

— Ты ж говорил, что их можно видеть только ночью?

— Да, забыл я, забыл, — неожиданно признался Водяной. — Представляешь? Забыл, что внутри воздушной горы время течёт несколько не так...

Тут обозначилось и время — мохнатый, световой поток — из которого донёсся вопрос:

- Вы не устали, друзья?
- Слегка, пожалуй, – ответил Василёк.
- Тогда отдохните.

И к ним подплыла звезда-фрегат. Друзья погрузились, на борту обнаружили мягкие скамеечки, сидеть на которых, болтая ножками в воздухе, было очень уютно. Фрегат плыл серьёзно, плавно, торжественно.

– У него, наверное, сегодня день рождения, – предположил Василёк. – Уж больно плавно он двигается.

– Вполне может быть, – отвечал Водяной, болтая ножками так же, как и его приятель. – У фрегатов никогда этого не узнаешь.

Фрегат покачивался, и паруса его надувались без всякого ветра.

- Я уже отдохнул, – сообщил Василёк. – Можно плыть дальше и без фрегата.
- Тогда – вперёд, – провозгласил Водяной, и они поплыли.

Выход из воздушной горы был там же, где и вход.

Пара норок Вилт попались им навстречу. Вилты хлопали прозрачными глазками, но не приглашали зайти. То есть залететь.

– А зачем? – сказал Водяной. – Мы же видели, как живёт одна. А Вилты живут все одинаково.

Василёк обернулся, желая ещё раз поглядеть на воздушную гору. Гора была на месте – прозрачная и плотная, она чуть поворачивалась, зажигаясь разными огнями – так торжественно, будто день рождения праздновала каждый день. Мальчик засмеялся своей фантазией, а Водяной сказал:

– Что ты! Это было бы невыносимо скучно – представь один бесконечный день рождения, и ничего более.

Василёк, согласился, подумав.

Снова стали встречаться птицы. Знакомая ворона очень деловито пролетела куда-то, не заметив их.

– И ладно, – сказал Водяной. – Мы же здоровались уже. А шарики грая, что она подарила, у меня – в целости и сохранности.

Город становился виднее, увеличивался в объёмах.

- А мне не надо зажмуриваться, чтобы спланировать в окно? – спросил мальчик.
- Не надо, – ответил Водяной. – Ты уже достаточно хорошо держишься в воздухе.
- Странно, однако, входить в свой дом не через дверь.
- Не входить, а влетать, – поправил Водяной. – Через дверь влететь нельзя.
- Можно, – засмеялся Василёк. – Если очень торопишься.
- А-а-а, – протянул Водяной. – Но только в этом случае.

Они влетели – плавно и небыстро. Водяной плюхнулся на диванный валик, и сказал:

- Уф.
- Хорошо полетали, – отозвался Василёк, усаживаясь на стул.

– Не устал?

– Нет, совсем не устал.

– Но всё равно надо отдохнуть. И впечатленья усвоить. Чтобы недаром они были.

– Ой, – спохватился Василёк. – А шарики грая?

– Не переживай, – откликнулся Водяной. – Они у меня, – он сунул руку в карман и вытащил несколько блестящих шариков. На открытой его ладони они меняли цвета и переливались. – Знаешь что? – вдруг сказал Водяной. – Если они тебе не очень нужны, я уйду сегодня через них.

– Да? Что ж, мне интересно будет посмотреть... и я всё равно не знал бы, что с ними делать.

– Тогда – до следующего раза, дружок, – сказал Водяной. Он подбросил шарики, и они, исполнив в воздухе своеобразный пируэт, спланировали на подставленную ладонь Василька. – Опа, – произнёс Водяной, превратился в маленький фейерверк капелек и всеми ими втянулся в шарики.

На ладони мальчика они обратились в одну – перламутровую – каплю, которая испарилась небыстро. Василёк вздохнул.

Путешествие 5-е

Приглашение от настоящей улитки пришло по обычному крану. Василёк открыл его, чтобы помыть руки, и вместе с водой точно вытекал уютный голос Улитки:

– Милые Василёк и Водяной, была бы рада видеть вас у себя в гостях. Варенье, как всегда, готово быть таким, как вам захочется.

– Я бы с радостью, – ответил Василёк. – Но не знаю, как вызвать Водяного. Он появляется, когда сочтёт нужным.

— Ну-ну, — раздался знакомый голос из коридора. — Не говори так: я появляюсь, когда необходимо.

— Водяной, — радостно вскричал Василёк. — Откуда ты?

— На этот раз, — отвечал Водяной, потирая ручки, — я материализовался из лейки для полива цветов, что стоит на подоконнике.

Василёк закрыл кран и посмотрел на приятеля.

— Значит, мы отправимся к улитке? — поинтересовался он.

— О, непременно, — отвечал Водяной. — Тем более, думаю, что к ней заглянет и сом.

В комнате уже Василёк спохватился:

— А как же мы поплывём к улитке? На чайнике?

— Нет-нет. Есть много разных способов попасть к улитке. Для начала полетим.

Открой окно пошире и бери меня за руку.

Василёк так и сделал. Тотчас их тела стали полупрозрачными, лёгкими, и они плавно вылетели в окошко. Через некоторое время Водяной отпустил ладошку Василька, и мальчик, вспомнив, как он летал в прошлый раз, поплыл по воздуху легко и свободно.

Вороны пролетали мимо. Их знакомая приветствовала их — на этот раз не речью, но граем. Шарики грая разлетелись в воздухе, переливаясь розово и фиолетово, но ни один не залетел в карман Водяного, и Василёк, чуть уклонившись в сторону, не смог поймать ни одного из них. Ему показалось, что из них вылупятся воронята, но нет — шарики, померцав немного, поплыли дальше весёлым хоромом.

— Ты успел хотя бы кивнуть вороне? — спросил Водяной.

— Успел, — ответил мальчик. — Надеюсь, она заметила.

Внизу распростёрся пруд — достаточно большой и зелёный.

— Нам сюда, — сказал Водяной. — Хватай меня за руку.

Василёк схватил, и они резко, подняв фонтан брызг (не замеченный, разумеется, никем) спланировали в пруд. Зелёно-серые его недра расступились, два золотистых караса испуганно шарахнулись вбок, и трава, густая и плотная, текла рядом, мерцая струисто. Коряги были видны, Василёк, вспомнив, как нужно дышать под водой, делал это спокойно, пока они не вынырнули на противоположном берегу пруда — который вообще-то оказался бережком реки.

— Уф, — отфыркнулся мальчик, выскакивая прямо у домика улитка.

Водяной выбрался не спеша, проводя руками по бокам, точно проверяя что-то. Оба приятеля были, естественно, сухими.

Большая голова сома уютно лежала на берегу, а улитка в кресле из крупной раковины сидела перед ним.

— Кроватки что-то в депрессии, — рассказывал сом. — Никак не могут сочинить новую песенку. А старые им надоели.

— Чем бы им помочь? — спросила Улитка.

— Тут уж ничем не поможешь, — рассудительно произнёс сом. — Нужно просто ждать.

Василёк кашлянул. И сом, и улитка повернули головы.

— О, здравствуйте, друзья! — воскликнули они одновременно.

— К сожаленью, — сказал сом, — я не могу пожать вам руки. Но если хочешь, Василёк, можешь пожать мой усик. Только смотри, чтобы он не выскользнул из ладошки, — Василёк согласился с радостью. Усик — хотя и был скользкий — но приятный на ощупь и вовсе не собирался выскальзывать, пока Василёк сам не отпустил его. — Ну вот, — подытожил сом. — Теперь мы поздоровались по-настоящему.

Водяной стоял рядом и улыбался.

— Присаживайтесь, друзья, — сказала улитка.

Василёк хотел было спросить куда, но тут же заметил маленький столик — как раз между улиткой и головой сома — столик, накрытый, примерно как в прошлый раз в домике улитки; возле столика было два кресла — как раз по размерам Водяного и Василька. Они сели.

— А из чего эти кресла? — поинтересовался Василёк.

— Из ракушек, конечно, — отвечала улитка. — Они могут увеличиваться и уменьшаться. Если их об этом попросить.

— Мне уютно, — сказал Василёк. — Я просить ни о чём не буду.

— И я вполне доволен, — добавил Водяной.

— Но вот что, дорогая улитка, — продолжал Василёк, — мне действительно странно — так это как я не заметил сразу ваш столик.

— О, ничего удивительного, — промолвила Улитка. — Это же настоящий мерцающий столик.

— То есть он может?..

— Ну да, он появляется и исчезает. Причём, если он в хорошем настроеньи, он по-

является сразу сервированным, а если в дурном — его нужно накрывать.

— То есть, — догадался Василёк, глядя на банку варенья и гадая, какого оно вкуса, — сейчас он в хорошем настроении.

— В отменном, — сказала улитка. — Он вообще любит гостей.

— Надеюсь, — произнёс Водяной, отхлёбывая чай. — Наш чайник не подвёл вас, милейшая улитка?

— Нет-нет, — быстро отвечала та. — Очень воспитанный чайник. Мы с ним довольны друг другом.

Василёк накладывал варенье в розеточку. Оно мерцало заманчивым абрикосовым цветом.

— М-м-м, — издал сом неопределённый звук.

— Что такое? — не понял Василёк.

— Я бы попробовал твоё варенье, — сказал сом. — Но у меня нет рук. А плавниками держать ложку весьма неудобно.

— О, конечно, — обрадовался Василёк, ибо мог сделать нечто приятное сому.

Он угостил того охотно, и сом, зажмурившись, произнёс:

— Очень вкусно.

— Абрикосовое? — поинтересовался Василёк.

— Не знаю, — ответил сом. — Я бы сказал — комбинированное.

Василёк отведал варенья.

— Ну и ну, — восхитился он. — Чего тут только нет! И смородина, и черешня, и абрикос.

— Вот-вот, — поддержал сом, — очень насыщенный интересный вкус.

— В ненасыщенном вкусе нет ничего интересного, — молвила улитка. — Я убеждалась в этом много раз. А как ваше варенье, Водяной?

— У меня, как всегда, — ответил Водяной, но совсем даже не грустно, — вода. Но особая вода, сгущённая. Так что, думаю, вкус моего варенья ничем не хуже, чем у других.

Тут сом нырнул, выбросив в воздух фонтанчик пузырьков. Пузырьки весело рассмеялись, соскользнули в варенье, и оно проглотило их.

— Сом иногда устаёт на воздухе, — пояснила улитка.

— А что это были за пузырьки?

— Обычные пузырьки. Те, какие даже варенью по нраву.

Появилась голова сома.

— Не хотите ли ещё варенья, сом? — поинтересовался Василёк.

— Нет, спасибо, — вежливо отвечал сом. — Мне важно только попробовать, а есть необязательно.

— Что под водой? — спросил мальчик.

— Всё то же, — ответил сом, не то удовлетворённо, не то печально.

— Мы слышали, когда подошли к домику улитки, что креветки...

— Да-да, — вздохнул сом. — Действительно — у креветок депрессия.

— Раньше бы я удивился, — сказал мальчик, — услышав такое, но теперь уже нет — не удивляюсь.

— Да-да, — пояснил сом, — у креветок бывает особая креветочная депрессия. И тут даже улыбка улитки не поможет.

— А какая у вас улыбка, уважаемая улитка? — спросил Василёк.

Улитка охотно видоизменилась — она вся, в один момент, точно сосредоточившись, превратилась в большую улыбку. Улыбка, нежно мерцая, повисела в воздухе и снова стала улиткой, уютно сидящей в кресле.

— Вот такая, — сказал улитка.

— Чудесно! — отозвался мальчик.

— Но даже она не поможет креветкам, — сказал сом. — Им поможет только одно — если они сочинят песенку.

— А почему же они не могут её сочинить? — спросил мальчик.

— На этот вопрос я не могу ответить, — сказал сом. — Знаю только, что с ними не раз такое бывало. Ничего страшного в этом нет.

— Я тоже помню, — сказал Водяной, — креветочную депрессию. В прошлый раз она длилась не очень долго.

— Надеюсь, пройдёт, — добавила улитка.

— Непременно, — сказал сом, зевая. Тут же спохватившись, сказал: — Ох, извините. Вообще-то мне уже хочется спать. Иногда мне кажется, что я не сом, а просто сон.

— А так бывает? — поинтересовался Василёк.

— Бывает, — ответил сом. — Чуть-чуть сом, а немножко сон. Сон мерцает сомом, то есть мною, а сом, то есть я, перетекает в сон. Вот так.

— Не замкнутый ли это круг? — спросил мальчик.

— О нет, — ответил сом. — Под водой не бывает замкнутых кругов. Там всё разомкнуто и плавно. Так что, друзья, до будущих встреч — мне пора. Не хочешь ли, Василёк, на прощанье пожать мой усик?

Василёк захотел, и они попрощались усопжатием. После чего сом нырнул, и было видно, как он вильнул мощным хвостом, прежде чем исчезнуть в глубине.

— Чудесный сом, — сказала улитка.

— И чудесно пообщались, — добавил Водяной.

— Только креветок жаль, — заметил мальчик.

— Нет-нет, — пояснила улитка, — депрессия им бывает даже на пользу. После неё они точно сочинят песенку.

— Ну, тогда ладно, — сказал Василёк.

— Однако, дорогая улитка, — заметил Водяной, — наверно, нам надо прощаться.

— Рада, рада была, — воскликнула улитка, — очень рада была повидать вас, друзья.

Надеюсь, варенье не подкачало.

— Нет-нет, — воскликнул мальчик. — Я теперь точно знаю — улитковое варенье не может подкачать.

Струйка пузырьков вырвалась из банки. Они переливались весело, и в каждом вспыхивали, как мини-фонарики, крохотные ягодки или фрукты.

— А это его прощальный салют, — пояснила улитка.

Друзья встали, и столик, померцав, исчез.

— Мы тоже исчезнем, а? — спросили креслица хором.

— Пожалуйста, пожалуйста, — отозвались все. И креслица исчезли.

Улитка прощально покачала усиками. Василёк помахал в ответ и улыбнулся. Взявшись за руки с Водяным, они прыгнули в воду — так, будто это была вполне удобная дверь. Тени замелькали — зелёные, серые, оливковые.

— Кто это? — спросил Василёк.

— Это тени квадратов и треугольников, — отозвался Водяной.

— Мы что-то их не видели сегодня.

— А их не всегда можно увидеть, — объяснил Водяной. — Они любят прятаться порою.

Трава потянулась, и показалось, что сом из неё качает большой головой — но не укоризненно, ибо друзей не в чем было укорять.

Их плавание усилились, повлекло их вверх и вверх, и они вырвались на воздух и, по-прежнему держась за руки, взмыли над прудом. Естественно, сухие.

— Встретим ли ворону? — поинтересовался мальчик.

— Кто её знает? — отозвался Водяной. — Она, может быть, разучилась превращать грай в дружественные шарики. Где-нибудь сидит и старается восстановить это умение.

Они летели быстро, воздух качался вокруг, свежий и струистый, крыши домов становились ниже и ниже. Наконец, они влетели в окно и оказались в комнате Василька.

— Чудесно, — сказал мальчик.

— Рад, что тебе понравилось, — отозвался Водяной, похлопывая себя по карманам.

— А как ты исчезнешь на этот раз?

— Пожалуй, так же, как и появился, — сказал Водяной. — Через лейку, — он подошёл к подоконнику, опустил палец в лейку и стал таять в воздухе. Потом достал палец и сказал: — Пока, Василёк.

— Когда увидимся? — спросил Василёк.

Водяной улыбнулся загадочно, погрузил палец в лейку и — растаял.

Жалко, он не стал уходить через маленькую капельку, подумал мальчик, глядя в окно.

Путешествие 6-е

— А не смогли бы мы играть зимой? — спросил Василёк Водяного, когда он появился в следующий раз.

— Едва ли, — ответил Водяной, сидя на диванном валике и болтая ножками. Он был маленький пока. — Зимой Водяные обычно спят, — пояснил он.

— А-а-а, — разочарованно протянул мальчик.

— А что, — оживился Водяной, — ты любишь зиму больше лета?

— Да нет, конечно, — отозвался мальчик. — Просто представилось, как мы с тобой катаемся с горок.

— Ух ты, — воскликнул Водяной, скатываясь с диванного валика. — Вперёд, на Водяном! — крикнул он, увеличиваясь и становясь размером с мальчишку.

— Разве на тебе можно кататься? — спросил Василёк.

— А то, — подбоченясь, ответил Водяной. — Кстати, я хотел предложить тебе —

занимательная прогулка на Водяном. Ты не против?

— Не знаю, — сказал мальчик, поёживаясь. — Как-то неудобно. Всё вместе и вместе, а тут — верхом на тебе. Ты же не санки.

— Я, разумеется, не санки, — отозвался Водяной. — Я гораздо лучше. Ну, давай.

Он опустился на четвереньки и, будто маленькое креслице, подхватил слегка растерявшегося мальчишку. Потом вылетел в окно.

Сидеть на Водяном было удобно — он был мягкий, слегка подрагивающий в полёте, а летел он — быстро.

— У тебя как — голова не кружится? — поинтересовался он.

— Не-а, — отозвался мальчик, — уже привычно оглядывая воздух. — Ты знаешь, — добавил он, — на тебе, оказывается, сидеть очень приятно.

— Ещё б, — отозвался Водяной и запел:

*Булочки с повидло
Лопать не обидно.
Но обидно, если нас
Слопают они сейчас.*

— Ты что? — удивился мальчик. — Какие булочки? Откуда они возьмутся в воздухе? И почему они должны нас слопать?

— О, это такие особые лопающие булочки, — пояснил Водяной. — Встретил я как-то парочку. Так чуть и впрямь меня не слопали. Но тебе нечего бояться, коли ты со мной. Нам не страшны никакие булочки! — мальчик, в первый раз услышавший, что булочек можно бояться, хмыкнул недоверчиво. — А вон, кстати, одна летит, — воскликнул Водяной.

— Так они ещё и летают, — восхитился мальчишка.

— Ну да, — сказал Водяной, ловко сбрасывая Василька и лоя его за руку.

Булочка — довольно крупная, важная — летела прямо на них, разевая пасть. Да-да — у этой странной булочки была пасть — и она разевала её так, что виднелось повидло. А были у неё зубы или нет — оставалось непонятным.

Друзья ловко увернулись от булочки, причём Василёк на лету ухитрился поймать немного повидло и тотчас съесть его. Булочка обернулась, недовольная.

— Вот ещё, — сказала она. — И сама ничем не поживилась, и повидло растеряла.

Тем не менее, она полетела вперёд, и воздух точно расступался перед нею.

— Такие булочки, — пояснил Водяной, — не умеют поворачивать. Они очень прямолинейны.

— Лопающая, летающая, прямолинейная булочка, — задумался Василёк. — Это нечто.

— Чего только не встретишь, а? — лукаво подмигнул Водяной. И Василёк согласился. Они парили, держась за руки. Воздух плавными кругами тек вокруг.

— А воздух не может стугиться в воду? — вдруг спросил Василёк.

— Этот? Нет. Зачем же ему стугаться?

— Да, я ещё спросить хотел: а эти лопающие булочки — они что, всё лопают?

— Вообще, насколько я знаю, — ответил Водяной, — они всеядны. Но в последнее время, говорят, появились разновидности — те, что питаются только чем-то одним...

— А чем одним?

— Ну, мечтами, к примеру...

— Разве мечтами будешь сыт?

— Как знать, как знать, — отвечал Водяной философски. — У каждой булочки — свой рацион.

— А мне иногда хочется питаться одними булочками, — заметил мальчик.

— Тебе станет скучно от такого питания, — заметил Водяной.

— Ну, тебе ж не скучно питаться только водой!

— Я другое дело. Я так устроен.

— Жаль, нельзя быть устроенным так, чтобы питаться только булочками, — заметил Василёк.

Они пролетали какую-то длинную мачту.

— Может быть, посидим? — предложил Водяной. Мальчик согласился.

Они уселись на перекладине, болтая ногами. Вдруг воздух стугился вокруг их движений, и из него возникло маленькое существо — розоватое и пушистое.

— Ты кто? — спросил мальчик.

— Мог бы и сам догадаться, — ответило существо. — Я — болтанье.

— Нашими ногами? — уточнил Василёк.

— Ну, конечно, — подтвердило существо.

— То есть, если ты улетишь — мы не сможем дальше...

— Сможете, сможете, — сказала существо весело. — Болтаний много. Просто мне захотелось отделиться и полетать самостоятельно, — и оно улетело.

А друзья продолжали болтать ногами, как ни в чём не бывало.

— Интересно, способна ли булочка слопать болтанье? — поинтересовался мальчик.

— Вполне возможно, вполне возможно, — отвечал Водяной. — Но я, конечно, не знаю, придёт ли оно ей по вкусу.

Ещё немножко посидев, друзья, взявшись за руки, полетели дальше.

— Покувыркаемся в воздухе? — предложил Водяной. Мальчик согласился охотно.

Они кувыркались, созидавая занятные, по цвету похожие на алюминий, кольца. Мальчик немножко повисел вниз головой, потом перевернулся, перескочил через Водяного, который рассыпался суммой весёлых брызг. И снова собрался — улыбающийся, лукавый.

— Вот это веселье! — воскликнул Василёк.

Нечто маленькое и золотое порхало рядом, и мальчик схватил его, но тут же выпустил.

— Жжётся, — объяснил он.

— Ещё бы, — сказал Водяной. — Это одна из брызг.

— Из тех, на какие разлетелся ты?

— Ну да.

— Но ведь ты Водяной? Как же она может жечься?

— А никак, — сказал Водяной. Он поймал брызгу и добавил: — Но жжётся, — он подул на неё, и она стала белой. — Теперь не будет, — произнёс он, протягивая её мальчику. Василёк подержал её два-три мгновенья и отпустил. У брызги появился крошечный хвостик, которым она и помахала в воздухе, улетая. — Значит, всё в порядке, — подытожил Водяной. — Мы не стали добычей булочки, и брызга не обожгла тебе руку. Про болтанье я не говорю — от него не приходится ждать чего-нибудь плохого.

— То есть? — начал было Василёк.

— То есть полёт можно считать успешным, — ответил его друг.

— А мне вдруг вспомнилось, — сказал Василёк, — как улитка превращалась в улыбку. У неё это здорово получалось — улыбка была ничуть не менее мила, чем улитка.

— Все настоящие улитки таковы, — молви Водяной. — Именно поэтому они и зовутся настоящими.

Крыши домов тянулись вниз, и машины струились в ущельях меж ними пёстрыми потоками. Водяной дунул — и шустрые шарики полетели вниз, превращаясь в плоские блики. Блики разноцветно поиграли на крышах машин и растаяли.

— Они красивые, — сказал мальчик.

— Но никогда не бывают долговечными, — пояснил Водяной. — Поиграют несколько минут — и восояси.

— А где у них свояси? — полюбопытствовал Василёк.

— Сваяси бывают разные, — объяснил Водяной. — У этих они где-то в серединке моего дыханья.

И он дунул снова, произведя забавные колечки. Мальчик схватил одно рукой, оно посверкало, сделалось прозрачным и исчезло.

— У колечек тоже бывают свояси? — спросил Василёк.

— Конечно. Сваяси бывают у всех.

Другие колечки затеяли чехарду, потом догонялки.

— Не потеряются? — обеспокоился мальчик.

— Нет-нет, не бойся. Ничто не теряется в мире. Хоть он и велик.

Колечки были уже далеко, но ни крылышек, ни хвостов у них не возникло — они так и исчезали милыми сверкающими колечками.

Дом Василька был близко. Окно, открытое широко, ожидало друзей, как верная дверь.

Не обращая ни к кому, Водяной сказал:

— Просто не знаю, как закончить эту главу.

Но мальчик понял его. Он сказал:

— А давай просто исчезнем?

— Просто исчезнем? — переспросил Водяной. — А это мысль.

И они растаяли в воздухе. После чего Василёк появился в своей комнате и сел за книгу.

Путешествие 7-е

— А почему бы, — спросил Водяной, — нам не отправиться вот в эту книжку?

Он прохаживался вдоль книжного шкафа Василька — в синеньком костюмчике, обычный такой человечек, и никто бы, если бы взглянул со стороны, и не предположил, что это Водяной.

Он снял с полки «Алису в стране чудес».

— Ты ведь любишь её? — спросил Василька.

— Ага, — ответил тот. И поинтересовался: — А как же мы туда отправимся?

— Очень просто, — ответил Водяной. — Просто нырнём. Как в бассейн.

— Ух ты! — восхитился мальчишка. — Здорово.

— Бери меня за руку, — предложил Водяной, раскрывши книжку, и положив её на диван.

И Василёк взял. Они уменьшились — как всегда легко, безболезненно, не страшно — и прыгнули в книжку.

Страницы плюхнулись водой — и зашелестели счастьем.

Трудно сказать — парили друзья или плыли, но через сколько-то минут — коротких, как все минуты — выскочили они на поляне. Поляна отливала розовым золотом и играла лёгкими зелёными огнями, а дворец Герцогини поднимался из-за деревьев.

— Или Королевы? — спросил Василёк.

— Или Королевы, — ответил Водяной. — Какая, в сущности, разница?

— Никакой, — послышалось откуда-то сбоку и сверху — одновременно.

— Так не бывает — одновременно сбоку и сверху, — сказал мальчик.

— Почему? — удивился Водяной. — Я думал, ты уже привык к тому, что в нашей сказке всё бывает.

— Никакой, — вновь, правда, на этот раз не к месту, прозвучало — с растяжкой и басовито.

На огромном грибе сидела гусеница и курила кальян.

— Знаешь, — сказал Водяной, — я сейчас позабыл эту сказку. Моё детство кончилось давно. Поэтому давай сочинять детали по ходу дела.

— Ага, — согласилась гусеница, куря кальян.

Колечки дыма завивались причудливо, соединялись, играли между собой.

— А я бы поиграл с вами, — сказал Василёк.

Внутри одного из колечек зажглись малиновые глаза.

— Так в чём же дело? — сказала оно. — Прыгай сюда.

И Василёк, сделавшись кольцеобразным, прыгнул. Ощущение было очень приятное — точно погрузился во что-то ласковое и мягкое. Он заскользил с колечками, плавно перетекая то в одно, то в другое, меняя цвета — как меняли они.

— Мне больше всего понравилось быть зелёным, — сказал он Водяному потом, когда стал обычным мальчиком.

Они шли по тропке, петлявшей забавно — забавность заключалась в том, что вокруг тропки всё время хрюкотали зелюки.

— Вот как оказывается они хрюкочут, — сказал мальчик.

— Ну да, — ответил Водяной, — это фирменное хрюкотанье зелюков. Но не забывай ещё про шаньков.

Хливкие шаньки тотчас высунулись из травы. Были они пушистые и синенькие.

— Что зелёный! — пискнул один из шаньков. — То ли дело синенький. Вот мы все синенькие — и счастливы этим.

— А я вообще золотистая, — раздался новый писк.

— Ой, Водяной, и она здесь. Это ж козьявка-малявка.

— А почему бы мне не быть здесь? — отозвалась козьявка. — Я тоже хотела в сказку. Тем более, что с шаньками мы всегда найдём общий язык.

Шаньки подтвердили. Все они спрятались в травы и возились там, посверкивая, как светляки.

— Наверно, — предположил Василёк, — светляки произошли из осколочков солнца. Солнце же большое, что ему потерять немножко осколочков.

— Наверняка, — сказал Водяной.

— А куда мы идём? — спросил мальчик.

— Это совершенно неважно, — послышалось неожиданно, и в воздухе возникло мерцанье. Из мерцанья образовалась улыбка Чеширского кота.

— Вот и он, — воскликнул мальчик.

— Как же без него, — утвердил Водяной.

Голова кота парила в воздухе.

— Ага, вы у нас! — резюмировала она. — Значит, вы тоже слегка... наши...

— А бывают не наши? Тут, в смысле, бывают? — спросил мальчик.

— Нет, — ответила голова. — Только наши — и никаких других. Тут вечно творится... впрочем, вы сами знаете.

Голова исчезла, и открылся сад, где за длинным столом сидели Шляпник, Соня...

— А кто ещё? — остановился в раздумье Водяной. — Я забыл...

— Хотя бы Мартовский Заяц, — сказал Василёк.

Заяц тотчас возник — разумеется, он был во фраке. Сев за стол, он поставил цилиндр рядом с чашкой, которая сразу же наполнилась чаем.

— Я опоздаю к Королеве, — воскликнул Заяц. — О, ужас, я опоздаю к Герцогине. Я всюду опоздаю.

Он обхватил голову руками и закачал ушками.

— Это потому, — зевая, ответила Соня, — что ты вечно торопишься. Сидел бы спокойно, пил чай, нет же — бежишь, бежишь, будто так и нужно.

— Так и нужно, — сказал Заяц.

А Шляпник ничего не сказал, ибо был занял чаем, хлебом и джемом.

— Ничего не нужно, — зевнула Соня и, забыв про чай, задремала.

— Кроме доброго отношения друг к другу, — сказал Водяной.

— Думаете? — Шляпник поднял на них глаза. — А мне вот интересно, почему чай люди пьют, а джем едят? Нельзя ли наоборот?

— Никак нельзя, — сказал Василёк. — Впрочем, попробуйте, может, у вас и получится.

— Я пробовал, — сказал Шляпник. — Только перемазался джемом и облился чаем. И ничего более.

Друзья оставили компанию и обогнули домик.

— Милый домик, — сказал Василёк.

— И ребятки милые, — добавил Водяной.

— Жаль только, что им вечно приходится пить чай, — заметил мальчик. И спросил, заметив нечто необычное: — А это что такое?

— По-моему, это лабиринт, — сказал Водяной.

— Разве в этой сказке был лабиринт?

— Сказка сама лабиринт, — пояснил Водяной. — Всякая. Поэтому входим.

И они вошли. Малиновые шарики вспыхнули и рассыпались карточным бархатом.

— Как это — карточный бархат? — спросил Василёк.

— Это бархат, из которого могли бы быть сделаны карты. Могли — но никто их не сделал, и они остались бумажными.

Лоскутки карточного бархата витали вокруг. Два или три опустились Васильку на плечи и растаяли, как капельки воды.

— Вот и славно, — сказал Водяной, но не уточнил, что имеет в виду.

Они шли и шли. Они прошли замок Герцогини и замок Королевы. И там и там творились странные дела — котлы закипали без огня, Валет качал дитя, превращавшееся в караса и порося одновременно, и всюду хрюкотали зельюки. На площадке играли в крокет, и ежи ловко разбежались, причём у каждого было по шесть ножек.

— А это что за дерево? — спросил Василёк, увидев огромное, зыбкое, мерцающее, частями исчезающее дерево.

— Это дерево фантазий, — объяснил Водяной. — К сожалению, оно почти исчезает, когда ты вырастаешь.

— Я не хочу вырастать, — сказал мальчик.

— Все дети не хотят, — развёл руками Водяной. — Но тут уж ничего не попишешь.

Медленно, начиная с улыбки, возникла голова Чеширского кота.

— Пописать надо сказки, — сказал он. — А вовсе не ничего. Ничего пописать было бы очень скучно.

— Отрубите ему голову! — послышалось властное.

Голова улыбнулась и стала таять в воздухе.

Лабиринт длился и ветвился дальше.

Кот в сапогах проехал в карете. Он сыто облизывался — явно только что съел мышку, которая когда-то была великаном.

— Так-то, — сказал Василёк, неизвестно что имея в виду.

Лабиринт мерцал, части его золотились, он изгибался, края его раскрывались, и в одном из них мелькнул минотавр — о каком Василёк недавно читал книжку.

— Ой, — дёрнулся мальчик. — Страшно.

— Нет ничего страшного, — улыбнулся Водяной. — Страшно только быть недобрым.

— Думаешь?

— Уверен.

Лабиринт изогнулся очередным витком, и они выпали — но не больно, даже не

ударившись, возле книжного шкафа Василька.

Раскрытая книжка лежала на диване.

— Странно, что мы не встретили Алису, — сказал мальчик.

— Ну, ты её будешь встречать каждый раз, когда откроешь сию сказку, — молвил Водяной.

— Да, я и позабыл.

— А теперь мне пора, — сообщил Водяной.

Они попрощались. Водяной — по методу Чеширского кота — стал таять в воздухе. Улыбка его задержалась на некоторое время, но потом тоже пропала. А мальчик поставил книжку на полку и стал припоминать детали прогулки.

Путешествие 8-е

— Главное — контуры и силуэты, — говорил Водяной, удобно расположившись на диване.

На этот раз он выплыл из крана в ванной, приветствовал Василька, тут же увеличился, немного брызгаясь, и они перешли в комнату.

— Как это главное? — спросил Василёк. — Я как раз всегда считал, что главное — это то, что внутри этих самых контуров и силуэтов.

— Нет-нет, — сказал Водяной уверенно. — Подумай сам, если бы не контуры и силуэты, то что бы могло наполнить их?

— А есть ли контуры у мечты? — полюбопытствовал Василёк.

— Пожалуй, — отозвался Водяной. — Хотя достаточно зыбкие, точно размытые дождём.

— А ты, как Водяной, наверное, любишь дожди?

— Дожди, пруды, ванны — вообще любую воду. Водяной не может без воды, — констатировал Водяной, подняв указательный палец.

— А ты говорил, что вода и воздух дружат, — напомнил Василёк. — Значит, ты и воздух любишь?

— Конечно. Дождик же капает из воздуха. Впрочем, и суша дружит с водою и воздухом — так что я и её люблю, — он помахал ручками, и спросил: — Ну, куда мы отправимся на этот раз?

— А из чего можно выбирать?

— О, из всякого. Впрочем, это всякое — всегда ограничено. В этом его суть, и от этого несколько грустно. Но мы с тобой грустить не будем, правда? — Василёк кивнул. — Тогда отправимся в воздушную прогулку по крышам.

— Здорово, — восхитился Василёк. — А как мы это сделаем?

— Очень просто, — сообщил Водяной. — Просто лучше, чем сложно, я так полагаю. Сначала мы нырнём в трубы и по ним, по воде — ты ведь не забыл правило, помогающее дышать в ней? — поднимемся вверх, выше и выше, и выскочим уже на крыше.

— Рифма получилась, — сказал Василёк. — Выше — крыши?

— А ты любишь рифмы? — поинтересовался Водяной.

— Никогда не задумывался, — честно признался Василёк.

— Ну, пошли.

И они отправились в ванную.

— Стой, — испугался Василёк, — а вдруг прогулка сорвётся? Ты можешь уменьшаться и увеличиваться, а я-то как?

— Ну, я же с тобой, — успокоил Водяной. — Значит, всё получится. Бери меня за руку.

Василёк взял, и тотчас всё завертелось, закружилось; Василёк почувствовал, что он уменьшается, что было забавно, а вовсе не страшно, ибо его друг Водяной был рядом и уменьшался с такой же скоростью. Они синхронно вращались некоторое время, а потом с лёгкостью необыкновенной ввинтились в кран. Снова, как в прошлые разы, Василёк представил, что вода — это воздух, и задышал — совершенно свободно. Вода была повсюду, она несла их, качала, иногда замедляя движение, потом накатывала новой волной, и они неслись, неслись. Было здорово.

Наконец, новый гребень выбросил их на крышу — сухих и невредимый, маленьких, держащихся за руки.

— Уф, — выдохнул Водяной. — Ну, как тебе понравилось?

— Очень понравилось, — отозвался Василёк.

Они стояли посреди крыши, как будто посреди каменной поляны, и солнце играло весело-весело, и зайчики перемигивались с ними.

— Знаешь что? — сказал Водяной. — Я думаю, здесь не стоит увеличиваться. Это излишне.

— Так мы останемся маленькими? — уточнил Василёк.

— Ну да. По-моему, это оптимальный вариант.

Один из зайчиков, только что перепрыгнувший через другой, разогнулся и заметил:

— Маленьким быть вообще приятней, — а спохватившись, добавил: — Здрасьте.

— Здравствуйте, — ответил Василёк. — Не позволите ли поиграть с вами?

— Надо же, — удивился зайчик, — первый раз у меня спрашивают позволения на это. Обычно нас просто используют в своих целях.

— Поиграй, поиграй, — сказал Водяной. — А я немножко полюбуюсь солнышком.

— Сегодня оно очень яркое, — отозвался зайчик. — Смотрите, как бы не натрудить глаза.

— Ничего, — ответил Водяной. — У меня водяные глаза, и им ничего не будет от яркого солнышка.

И какое-то время Василёк играл с зайчиками — он прыгал с ними, резвился, догонял их, хватал в шутку — они были солнечно-пушистыми, очень приятными на ощупь — смеялся, бегал с ними наперегонки. Несколько зайчиков перепорхнули через край крыши и полетели куда-то, ловко растворившись в воздухе.

— Теперь, — сказал, наконец, старший, — нам пора прощаться. Спасибо за игру.

— И вам спасибо, — отозвался Василёк. — Мне ещё никогда не было так весело.

Старший построил всех зайчиков по росту, если понятие рост применимо к таким кругленьким и маленьким существам, скомандовал, и они взлетели, как небольшой косяк птиц. Через минуту их уже не было видно.

Водяной смотрел на солнце.

— Не слепит? — поинтересовался Василёк, подходя к нему.

— Нет, — ответил Водяной. — Водяные вообще могут долго смотреть на солнце, — он перевёл взгляд на приятеля. — Ну, — подытожил, — думаю, хватит теперь. Можно пойти погулять.

И они пошли. Обогнули одну трубу и приблизились ко второй.

— Эта труба напоминает мне жилище Тюни, — сказал Василёк.

— Да, пожалуй, только её домик побольше.

Они подошли к трубе совсем близко, и из неё раздалось сопенье.

— Неужели и тут кто-то живёт? — удивился Василёк.

— А как же? — сказал Водяной. — Всюду кто-то живёт. Вероятней всего Хохрик.

Или Мыхрик, — предположил он, подумав.

Сопенье усилилось, из трубы повалил серебряный пар, сменившийся брызгами, потом вытянулась мордочка и показалось всё тело — длинное, гладкое, крапчатое.

— Точно, — сказал Водяной. — Это Мыхрик.

— А вы кого ждали? — спросил Мыхрик, сворачиваясь кольцом, наподобие собачки, и лапками протирая глаза.

— Возможно, Хохрика, — ответил Водяной.

— Хохрики живут в норах, — сообщил Мыхрик. — причём рытьё нор у них доведено до совершенства — они способны прорыть их даже в воздухе.

— Невероятно, — вздохнул Василёк. — А как они это делают?

Если бы у Мыхрика были плечи, он бы ими пожал, а так ему пришлось помахать хвостом.

— Честно говоря, я и сам не знаю, — отозвался он. — Они становятся невидимыми и вращательными движениями прорывают в воздухе туннели. Потом погибают их, увенчивают чашечками, и в них уже живут. Наверно, хорошо. Не знаю — никогда не встречал ни одного Хохрика.

— А вы, Мыхрик, живёте в трубе?

— Почему, не только. Но в основном — да.

Водяной почесал ладошку. Капелька, брызнувшая из неё, попала Мыхрику на нос, и тот облизнулся.

— Это была серебряная капелька, — сказал он. — Я больше люблю золотые. Они очень сладкие.

— Пожалуйста, — сказал Водяной. — Мне не жалко.

Он почесал другую ладошку, и капелька получилась золотой. Такой он и поднёс её Мыхрику — на ладошке, и тот слизал и поблагодарил.

— Вот, — прибавил он, — можно считать, и пообедали.

— Вам достаточно всего двух капелек?

— Вполне. Мы, Мыхрики, существа непривередливые. Особенно в дни, когда светит такое яркое солнце.

— Вы, Мыхрик, тоже любите смотреть на солнце? — спросил Водяной.

— О, конечно. Кто же не любит этого?

Мой друг Водяной, — сообщил Василёк, — сегодня долго смотрел на солнце. Пока я играл с его зайчиками.

— Да, они часто тут прыгают. Но потом всегда улетают.

— А не слепит ли вас солнце? — спросил Василёк. — Я имею в виду, если долго смотреть...

— Нет-нет, — отозвался Мыхрик. — Для этого у меня есть специальные мыхриковы очки, — он свистнул, и очки, забавно передвигаясь, вылезли из трубы и подкатились к друзьям, как маленькие сдвоенные колёса. — Поздоровайтесь, — сказал Мыхрик.

Очки поздоровались вежливо, ибо это были не только мыхриковы очки, но и ещё очень вежливые очки.

— А я вообще не встречал невежливых очков, — заметил Василёк. — Но обычно они молчат.

— Мы тоже не особенно говорливы, — заметили очки.

— Вы? Разве вас двое?

— Нет, мы одни, — пояснили очки. — Но состоим из двух стёкол.

— Теперь, если вы не против, мы с очками поглядим на солнце.

— Мы не против, — отозвались друзья.

— Тем более, — сказал Водяной, — что и сами мы собирались прогуляться.

Очки закатились к Мыхрику на нос, и он стал глядеть на солнце. Очки при этом блестели, очень довольные. А друзья пошли дальше — гулять по крыше.

— Смотри, — сказал Водяной. — Теперь ты сам можешь убедиться, что самое главное — это контуры и силуэты. Контуры домов и силуэты труб.

— Всё же, по-моему, ты не прав, — ответил Василёк, — если бы были одни контуры домов, где бы мы жили? А ты сам?

— О, я б всегда нашёл себе убежище. Вернее, пристанище.

— А можно убежать из убежища в пристанище?

— Можно, я думаю. Но не пробовал пока. А вот, смотри, какой красивый силуэт трубы!

Кажется, силуэту понравилось, что говорят о нём. Он кокетливо повернулся, отделился от трубы и подплыл по воздуху к приятелям.

— А вы похожи на гобой, уважаемый силуэт, — сказал Василёк.

— Что ж, возможно, я когда-нибудь и стану гобоем, — ответил силуэт. — Но даже и теперь, когда я всего лишь силуэт, очень приятно, что я кому-то понравился.

Не спускаясь на крышу, он отвесил приятелям два очень изящных поклона и отправился путешествовать по воздуху.

— А он не вернётся к трубе? — поинтересовался Василёк.

— Нет, зачем ему это, — ответил Водяной. — А труба не будет переживать, она вырастит себе новый.

— Разве можно вырастить силуэт?

— А как же. Необходимо — если твой решил стать гобоем и отправился путешествовать по воздуху. И контур тоже можно вырастить. Если растить его хорошо, с нежностью, он будет весьма пушист.

По дороге — точнее, по крыше — им попадались то и дело мелкие камешки... Василёк поинтересовался, откуда они здесь берутся.

— Они падают с неба, — ответил Водяной. И добавил: — Когда никто не видит.

— А может быть, они и оживают, когда никого нет?

— Конечно, — ответил Водяной. — Но не только когда никого нет. Смотри.

Он дунул, но как-то по-особенному, с брызгами — и камешки тотчас поднялись с мест и закружились хороводом.

— Как хорошо, что нас ничего не привязывает к месту, — верещали они, — как хорошо, что мы можем виться, как птички.

Они были разноцветные, и крыша озарилась малиново-золотистым сиянием, в котором проскальзывали зелёные крапинки. Потом они организовались в подобие косяка и, как до этого солнечные зайчики, улетели.

— Интересно, им известно направление, в котором они полетят?

— Пожалуй, — отозвался Водяной. — А может, и нет. Главное, что они улетели.

— Вот скажи, — спросил мальчик, — мы путешествовали с тобой по воде, по крыше, а можно ли путешествовать по огню?

— Да, — откликнулся его друг. — Я же говорил тебе, что вода дружит с воздухом, значит, и с огнём тоже. А я дружу со всеми. На то я и Водяной.

— И тебе не страшен огонь?

— Конечно, нет. Огни вообще-то бывают разные. Тот, что я выращу сейчас — не страшен никому.

И Водяной щёлкнул пальцами, из которых тотчас выбросились снопы искр. Они увеличивались, переливались, в них замелькали дуги и полукружья, и огонь — полноценный огонь размером с куст — возник на крыше — рыжий, как лисий хвост.

— Достойный огонь, — обратился к нему Водяной. — Позвольте нам с другом слегка попутешествовать по вашим зигзагам.

— Пожалуйста, — ответил огонь. — Заходите.

И, взявшись за руки, они зашли — так легко, как входят в дверь. Но двери у огня не было — была сумма разной длины коридоров, которые играли красным, жёлтым, оранжевым цветами и выращивали на своих стенах невиданные цветы.

Василёк сорвал один из них, чтобы рассмотреть повнимательней. В середине у него был крохотный камушек, из коего и рос огнистый цветок.

— Увы, — сказал Водяной, — ты не сможешь взять его с собой. Такие цветы живут только внутри огня.

Они походили ещё немного и, насладившись сполна разнообразными видами, какие дарил огонь, вышли из него наружу. То есть на крышу.

— Спасибо, — сказал Водяной. — Нам очень понравилось.

— Не за что, — ответил огонь и погас — скорее быстро, чем медленно.

— Теперь, — предложил Водяной, — мы пролетим подземным коридором.

— Разве таким коридором можно лететь? Я думаю, скорее ползать.

— Ползать тоже можно, но летать удобней. Ну, раз-два.

Мальчик снова взял друга за руку и зажмурил глаза, как попросил Водяной. А когда открыл их, вокруг были серые и черноватые стены — странные каналы переходили один в другой, и корни свешивались, как причудливые украшения.

— А тут совсем не страшно, — сказал Василёк.

— Конечно. Страшного вообще не бывает. Всё осмысленно, надо только уметь видеть.

Шланг — тот самый, из финала их первого путешествия — возник на пути — он поднялся лоснистой, никогда никого не жалящей змеей, выпустил немного воды в знак приветствия и спросил:

— Не хотите ли полететь на мне на крышу?

— О, это было б чудесно, — сказал мальчик.

Змея-шланг подобралась к ним поближе, и они сели верхом, как на лошадь.

— Только надо зажмуриться, — предупредил шланг.

Василёк зажмурился и дальше вслушивался в ощущение полёта — манящее, весёлое. Уже на крыше, распрощавшись со шлангом, отправившимся восвояси, он сказал Водяному:

— Я налетался на всю жизнь.

— Что ты, — откликнулся друг, — налетаться на всю жизнь невозможно. Но теперь тебе предстоит окончательный, водный полёт.

— Какой же?

— Домой.

Васильку стало немножко грустно, но Водяной утешил его, сказав, что все путешествия и предпринимаются для того, чтобы вернуться домой.

Они снова взялись за руки, но зажмуриваться было не нужно.

Они мчались в сердцевине доброжелательного водного потока, и мальчик узнавал и настоящую улитку, ласково качавшую рожками, и весёлых креветок, и лобастого мудрого сома, и джинна, улыбнувшегося ему добродушно, и многих-многих других, с кем довелось встретиться.

Вырвавшись из крана, они съехали, как по снежной горке, по боку раковины, и Водяной — умело, как всегда — увеличил и мальчика, и себя.

— Ну, вот и всё, — сказал он. — Пора прощаться.

— Совсем? — спросил Василёк, стараясь не показать, что ему всё же грустно.

— Что ты, просто на время, — воскликнул Водяной. — На время, ибо запомни — ничто хорошее никогда не кончается в жизни. Просто нужно уметь видеть это хорошее. Видеть — и сохранять его в себе.

И он снова, закрутившись ловким винтом, взмыл вверх, вспыхнул перламутровой игрою огней и стал маленькой капелькой, растаявшей на ладони Василька.

А мальчик сел к окну и, глядя на двор, стал думать о том, что ничто хорошее никогда не кончается.